

XXVI.

Религіозныя вѣрованія, семейныя обряды и жертвоприношенія сѣверо-байкальскихъ бурятъ шаманистовъ.

Буряты, какъ дѣти природы, еще до сего времени стоятъ одною ногою въ патриархальныхъ понятіяхъ, которыми началась ихъ историческая жизнь, другою они опираются на сложившуюся христіанскую цивилизацію русскаго народа, утрачиваютъ мало по-малу нѣкоторыя особенности кочеваго быта, начинаютъ постигать, что не кочевая беззаботность, а стараніе и трудъ составляютъ прямое назначеніе человѣка, обреченнаго *въ потъ лица снѣсти хлѣбъ свой*.

Всѣ сѣверо-байкальскіе буряты, за исключеніемъ тункинцевъ и аларцевъ, содержатъ шаманскую вѣру, которая до половины минувшаго столѣтія была господствующей религіей всѣхъ инородцевъ восточной и сѣверной Азіи и состоитъ въ обожаніи силъ и явленій природы, почитаніи эжиновъ — духовъ, владычествующихъ надъ стихіями.

Шаманство у всѣхъ народовъ Азіи тождественно въ принципѣ, разнообразится только въ оттѣнкахъ.

При тождествѣ происхожденія, образа жизни, нравовъ и обычаевъ тождественны, конечно, и основныя черты религіозно-шаманскаго культа. Но однако-жъ, при внимательномъ взглядѣ на религіозную жизнь нашихъ сѣверо-байкальскихъ

бурятъ, не трудно замѣтить въ ней новые элементы, элементы чисто мѣстные, національные, привившіеся къ коренному шаманству подъ вліяніемъ окружающей природы и изустныхъ преданій о разныхъ эжинахъ—духахъ и покровителяхъ извѣстныхъ горъ, долинъ и лѣсовъ.

Такъ, если вѣрить показаніямъ монгольской лѣтописи Санангъ-сэцэно, доламайскіе агинцы призывали въ своихъ молитвахъ *Ононой-эжина* и *Бурджигинъ-носна*. А хоринскіе ламаиты, какъ передаетъ одинъ изъ забайкальскихъ миссіонеровъ, и до сего времени при тайномъ шаманствѣ распѣваютъ свой генеалогическій гимнъ:

Хонгъ шобунъ гархул-тай,

Хосунъ модонъ сэргэтэй,

Ширунхул-эсэгэтэй,

Алунг-гова экэ-тэй!

Т. е. «происшедшій отъ лебедя, имѣющій коновязь безоровую, отца Ширул-хула, а мать красавицу Алунгову». Тогда какъ наши сѣверо-байкальскіе буряты, не имѣя даже и понятія объ агинскомъ *Бурджигинъ* и хоринскомъ *Ширунхулъ*, приываютъ въ своихъ религіозно-шаманскихъ обрядахъ своего батюшку *Буха-носна* (господина быка), который пользуется популярностью не только у кудинскихъ и капсальскихъ, идинскихъ и балаганскихъ шаманистовъ, но даже чествуется аларскими и тункинскими ламаитами.

Буха-носна — это мифическій быкъ, который, по рассказамъ шаманистовъ, на третьемъ году своей жизни отсталъ отъ стада своего небеснаго хозяина *эсэз малам-тэнгэрина* (плѣшиваго старца-небожителя), окружилъ восемь разъ всю вселенную по горизонту, спустился на священную гору *Алтан-мундурга* и сталъ мычать такъ сильно, что затряслась земля, всколебалось святое море Байкаль. На крикъ его явился изъ за Байкала *Тайджи хан шарлай эрэм-буха* (пестрый быкъ

забайкальского князя) и сталъ съ нимъ бодаться. Побѣдивши своего противника Буха-ноень отправился къ *Бурунихату* (югозападному царю), обитающему на Саянскихъ горахъ, и тамъ женился на его дочери *Будан-хатун* (туманная госпожа). Отъ этой брачной четы родилась дочь красавица *Шаидын-хатун*, которая за свой злой и капризный характеръ удостоилась супружества съ *эрмин-ханомъ* — сатаной — правителемъ ада.

По другому преданію шаманистовъ Буха-ноень, спустившись съ неба, переплылъ святое море Байкаль, явился въ урочищѣ Тайджи-хана, днемъ, подъ видомъ *хухэ-Буха* (сиваго быка) бодался съ пестрымъ княжескимъ быкомъ, а ночью, превращаясь въ ловкаго ловеласа, не безъ успѣха ухаживалъ за княжеской дочкой. Отъ этого ухаживанья княжеская дочь забеременила и родила сына по имени *Булагата*. Буха-ноень, не думая много, посадилъ свое дѣтище на рога и перенесъ на сѣверную сторону Байкала; здѣсь воспитывалъ его, укладывая на ночь спать въ свой *борхедохенъ* *). Въ это время проживала около Байкала знаменитая шаманка *Асой-ханъ адегонъ*, у которой былъ единственный сынъ *Эхиритъ*. Однажды шаманка стала замѣчать, что ея мальчикъ Эхиритъ часто уходитъ на берегъ Байкала и проводитъ тамъ цѣлые дни. Спросила Эхирита, зачѣмъ онъ часто ходитъ къ Байкалу и что тамъ дѣлаетъ въ теченіе цѣлаго дня? Эхиритъ сказалъ, что когда онъ приходитъ на берегъ Байкала, къ нему является неизвѣстный мальчикъ и играетъ съ нимъ цѣлый день. Асой ханъ адегонъ надоила собственного молока и приготовила кушанье *бонъ* **). Отдавая кушанье Эхириту сказала, что когда явится къ нему неизвѣстный мальчикъ, чтобы онъ

*) Мѣсто, которое улежалъ скотъ.

**) Бурятское кушанье бонъ готовится изъ молока или сметаны съ поджареной мукой.

угостилъ его этимъ кушаньемъ. Эхиритъ такъ и сдѣлалъ. Мальчикъ (Булагатъ), поѣвши кушанья *бонъ*, уснулъ такъ крѣпко, что шаманка взяла его, унесла въ свою юрту и воспитала его вмѣстѣ съ своимъ сыномъ.

Мальчики выросли, поженились и сдѣлались родоначальниками двухъ многочисленныхъ бурятскихъ поколѣній *Эхири-товъ* и *Булагатовъ*.

Объ Эхиритѣ еще говорится въ преданіи, что будто-бы его воспитывалъ *Эремъ гутар* (пестрый налимъ).

Вотъ почему сѣверо-байкальскіе буряты еще до сего времени при шаманствѣ въ честь Булагата начинаютъ свой гимнъ словами: «*Хуху бухани борхедоихона-гарханъ*», т. е. происшедшій изъ рывины сиваго быка. А въ честь Эхирита напѣваютъ:

«Эрем гутар эхэтэй,

Далай эрхин эсэгэтэй,

Эхирит—нэрэ солотэй...

т. е. пестрый налимъ твоя мать, берегъ моря твой отецъ, а твое почетное имя *Эхиритъ*.

Послѣ знаменитаго Буха-ноена въ порядкѣ шаманской мѣонологіи слѣдуютъ *юэн-барун-хат* (9 югозападныхъ царей), 55 юговосточныхъ и 99 сѣверозападныхъ царей. Къ этому сонму духовъ принадлежитъ еще безчисленное множество *эжин-новъ*—духовъ второстепенныхъ, личныя качества которыхъ неизвѣстны даже шаманамъ. Одни изъ нихъ обитаютъ при истокахъ Иркуты и Ангары, другіе при истокахъ Оки, на верховьяхъ Алтайскихъ и Саянскихъ горъ. Вообще по воззрѣнію шаманистовъ всѣ горы лѣса и рѣки наполнены милліонами добрыхъ и злыхъ духовъ, имѣющихъ большое вліяніе на жизнь и судьбу монголо-бурята.

О девяти югозападныхъ царяхъ шаманскія легенды баснословятъ различно. Однѣ говорятъ, что всѣ они дѣти эсэгэ

малан-тэягэрина (плѣшиваго старца небожителя), посланные имъ на землю для управленія бурятскимъ народомъ; а другіе напротивъ доказываютъ, что это души умершихъ знаменитыхъ шамановъ.

Замѣчательный изъ нихъ *Мунгуту Заринъ Эмнэкъ саланъ ноенъ*. Это духъ древняго знаменитаго шамана, который обитаетъ на шаманскомъ камнѣ, при истокѣ Ангары изъ Байкала. Это страшное мѣсто пользуется особеннымъ благоговѣніемъ бурятъ. На этомъ мѣстѣ въ важнѣйшихъ случаяхъ приводятъ бурятъ къ очистительной присягѣ. Быстрое теченіе Ангары, льющейся изъ Байкала, шумъ, съ которымъ воды ея разбиваются о камень въ мелкія брызги, катяты клубящимися волнами, могутъ вселить ужасъ во всѣхъ, кто приближается къ этому страшному мѣсту. Но бурятъ считаютъ это мѣсто ужаснѣйшимъ въ свѣтѣ, не столько по видимой опасности его положенія, сколько по несомнѣнной вѣрѣ въ древнее преданіе, что здѣсь обитаетъ грозный духъ Мунгуту-Зарина. Къ этому то страшному мѣсту отправляютъ обвиняемаго въ преступленіи бурята въ небольшой лодкѣ и, обративъ его лицомъ къ Байкалу, величіе котораго усиливаетъ страхъ, заставляютъ въ своей невинности поклониться на шаманскомъ камнѣ. Если обвиняемый благополучно возвратится на берегъ, значитъ оправдался. Но впрочемъ рѣдкіе покушаются на такую страшную присягу; большая часть рѣшаются скорѣе понести клевету и даже напрасное наказаніе.

Какъ только утвердилось у бурятъ вѣрованіе во вліяніе духовъ на жизнь и судьбу человѣка, появилось и желаніе расположить этихъ духовъ въ свою пользу, привлечь счастье и благополучіе, отогнать отъ себя разныя бѣды и напасти. Средствомъ къ этому послужили разные обряды и жертвоприношенія.

Жертвоприношенія у сѣверо-байкальскихъ бурятъ шаманистовъ двухъ родовъ: частныя или семейныя, общія или коллективныя.

Изъ частныхъ жертвоприношеній самое обыкновенное и необходимое—это *бариса*, которая приносится каждымъ бурятомъ и дома и въ полѣ. Случится, напримѣръ, буряту, проходить или проѣзжать мимо какой нибудь мѣстности, замѣчательной по своему эжину, онъ непременно приноситъ барису: привязываетъ къ дереву какой нибудь лоскутокъ, брызжетъ вино или арсу, бросаетъ мелкую монету или просто беретъ свою трубку, наложивъ въ нее табаку, поднимаетъ вверхъ, произнося слѣдующее воззваніе къ эжинамъ:

Ая, хада дэйрэ баяхшит,

Хат мини!

Бутэт дэйрэ хухшит, он аян

Бухат мини!

Энэ гархуй-ер ябохшитъ,

Тамхи татохо ябыш-та!

Т. е. О, цари мои, обитающіе на горахъ!

Божества мои, сидящіе на пригоркахъ!

Проходящіе этой дорогой!

Идите табачку курить.

Это говорятъ буряты — «*тамхи дэйрэ бариху*» (Поднимать табакъ вверхъ).

Нѣкоторыя мѣстности отъ постоянного приношенія барисы называются у бурятъ *барисанами*. Такихъ барисановъ безчисленное множество. Изъ нихъ ближайшій къ Иркутску называется по-бурятски *хондоголдой*. Хондоголдомъ называютъ буряты *Веселую юру*, которая находится въ 10 верстахъ отъ Иркутска по Якутскому тракту. Возвращаясь изъ Иркутска, кудинско-капсальскіе буряты обыкновенно запасаются на дорогу водкой; поднявшись

на хондогоддой, отворачиваютъ свои арбы (двухколесныя телѣги) въ сторону; ставятъ на землю посудину съ виномъ около которой всѣ усаживаются кругомъ; наливается первая чашка вина; одинъ изъ артели встаетъ лицомъ къ Иркутску и, поднявши вверхъ чашку съ виномъ, произноситъ воззваніе къ покровителю города *Тулмэ саганъ ноену*:

Владыка Ангары эмыныкъ саганъ ноенъ!

Покровитель Иркутска тулмэ саганъ ноенъ!

О, ты, соборъ, золотая глава!

Покровитель губерніи серебряная голова!

Будьте нашими спутниками въ дорогѣ,

Храните насъ при путеслѣдованіи.

Окончивъ воззваніе, ораторъ плещетъ изъ чашки вверхъ. Наливается другая чашка, ораторъ, сплеснувъ малу-толику въ сторону, дѣлаетъ глотокъ и передаетъ слѣдующему, чашка идетъ круговую, пока не истощится. Наливается новая и съ тѣми же церемоніями проходитъ кругъ; только глотки дѣлаются полнѣе, чашка уже начинаетъ застаиваться въ рукахъ собесѣдниковъ и долго сосѣдъ съ протянутою рукою ждетъ очереднаго визита чашки. Начинаются громкіе разговоры; кто нибудь заведетъ горловую заунывную пѣсню; пѣсня подхватывается всѣми; обрывается при появленіи новой чашки, вновь начинается, пока не опустѣетъ артельная посуда. Окончивъ барису собесѣдники отправляются въ дальнѣйшій путь.

Домашняя бариса тѣсно связана съ разными обстоятельствами семейной жизни монголо-бурята. Начало пашни и сѣнокоса, первый выгонъ скота въ поле, рожденіе и бракъ требуютъ молитвенныхъ возліяній эжину домашнего очага. Огонь домашнего очага пользуется особеннымъ уваженіемъ шаманистовъ. Въ него нельзя плевать, бросать такія вещи, которыя издають дурной запахъ, лить воду, замахиваться оружіемъ, вынимать изъ него ножомъ мясо, втыкать ножъ въ горящую головню.

Еще въ древности монголы обоготворяли огонь въ богинѣ *Утхэ*. Наши сѣверобайкальскіе буряты олицетворяютъ его въ образѣ *Сагадай ехэ обоюна* и жены его *Сахали хотуна*. Эжинамъ домашняго очага приносится бариса всякій разъ, когда ѣдятъ и пьютъ. Отъ перваго куска мяса, отъ первой чашки араки буряты непременно мечетъ малую-толику въ огонь, произнося краткое привѣтствіе его эжину.

Въ случаяхъ болѣе важныхъ приглашается шаманъ для приношенія, такъ сказать, официальной барисы. Жертва эта всегда приносится шаманомъ въ юртѣ. Къ четыремъ столбамъ юрты привязываются березки, а подлѣ огня ставятъ тарасунъ и кадку со сметаной, въ которую опущена *утхэ* (стрѣла), увѣшенная разными привѣсками и лоскутками. Въ юртѣ наступаетъ мертвая тишина; всѣ сидятъ на своихъ мѣстахъ поджавши подъ себя ноги. Шаманъ зажигаетъ *жодо* (пихтовую кору), окуривается самъ, кадитъ тарасунъ и сметану, и, наливши чашку тарасуну, встаетъ противъ дымоваго отверстія юрты, заводитъ на распѣвъ слѣдующее призываніе эжинамъ:

Владѣющіе эхомъ высокой горы,

Держащіе вѣтеръ широкаго моря,

Цари мои живущіе на горахъ,

Божества мои сидящіе на муравищахъ!

Въ бѣдахъ вы наша опора,

Въ скудные годы являетесь милостивы,

Когда мы сидимъ въ юртахъ,

Вы не опасны для насъ,

Когда находимся въ пути,

Нѣтъ препятствій отъ васъ,

Въ темную ночь вы даете намъ свѣтъ,

Въ жаркій полдень доставляете тѣнь,

Вы не даете потѣтъ нашимъ тарелкообразнымъ
лицамъ.

Не даете содрагаться пуговице-образнымъ серд-
цамъ.

Вы хранители головы,

Приготовители для рта!

Батюшка нашъ Сагадай обогонь!

Матушка наша Сахали хатунь!

Лежите вы въ сѣрой козьей дахѣ,

Кряхтя раздуваете синій огонь,

Худое все отгоняете отъ насъ,

Доброе все приближаете къ намъ!

Окончивъ воззваніе, шаманъ плещетъ изъ чашки вверхъ. Призываніе повторяется три раза. Изъ четвертой чашки шаманъ дѣлаетъ глотокъ и передаетъ ее хозяину юрты. Начинается обычный тухуранъ, т. е. круговое угощеніе тарасуномъ или водкой.

Рожденіе ребенка, а въ особенности хубуна (мальчика) фактъ весьма отраднѣй въ жизни монголо-бурята, а потому и сопровождается обильнымъ возліаніемъ араки.

Но такъ какъ въ дѣлѣ рожденія важно не только собственно рожденіе, но и все то время, которое начинается беременностію и кончается торжественнымъ привѣтствіемъ новорожденнаго со стороны родныхъ и знакомыхъ, то прежде чѣмъ говорить объ обрядахъ и жертвоприношеніяхъ при рожденіи браченка мы скажемъ нѣсколько словъ о беременности.

Сдѣлавшись беременною въ первый разъ молодая бурятка сначала скрываетъ свое положеніе, а потомъ когда секретъ начинаетъ обнаруживаться, рассказываетъ объ этомъ мужу и свекрови. Со времени такого объявленія беременной оказывается нѣкоторое вниманіе, но это вниманіе выражается не столько въ освобожденіи ея отъ трудныхъ домашнихъ за-

нѣтъ, сколько въ удовлетвореніи пожеланій по отношенію къ пищѣ, признавая, что всѣ такія желанія не суть ея личныя, а желанія покровительствующаго ей эжина. Но особенно сама беременная, находящаяся подъ вліяніемъ всего, что ее окружаетъ, должна одно, какъ вредное, удалять, а другое, какъ полезное, приближать. Хотя понятія о полезномъ и вредномъ на этотъ разъ у бурятъ нелѣпы и своеобразны, но тѣмъ не менѣе въ нихъ можно уловить нѣкоторую общую черту. Все, что не красиво, что страдаетъ какимъ нибудь физическимъ и нравственнымъ недостаткомъ, должно быть, какъ вредное, удаляемо. Такъ, напримѣръ, нужно избѣгать встрѣчи съ уродами, потому что ребенокъ можетъ родиться уродомъ, не ѣсть рыбы, не слушать крика закалаемыхъ животныхъ, п. ч. отъ ядѣнія рыбы ребенокъ не будетъ долго говорить, а отъ слушанія крика закалаемыхъ животныхъ не будетъ спать ночи. И такихъ примѣтъ безчисленное множество.

Главное дѣйствующее лицо при родахъ *отолъ изи* (повивальная бабка). Она пользуется у бурятъ нѣкоторымъ почетомъ и уваженіемъ. Первою заботою *отоло изи* принять мѣры, которыя можно назвать акушерскими. Нѣкоторыя изъ нихъ до того странны, и безчеловѣчны, что нужно удивляться, какъ несчастныя женщины остаются послѣ того живы. Что можетъ быть гибельнѣе, напримѣръ, того варварскаго приема, какъ *хул-дэши хулулу*, (т. е. встряхиванье беременной вверхъ ногами). За мѣрами акушерскими слѣдуютъ мѣры обрядовыя и религіозныя. Спустя день или два послѣ родинъ назначается пиръ, собираются гости званые и незваные, приступаютъ къ обряду *убэй олодохо* (пеленаніе ребенка), новорожденнаго кладутъ въ люльку (*улугай*), сдѣланную изъ досокъ въ родѣ продолговатаго ящика съ желобкомъ въ низу для стока мокротъ. Къ люлькѣ привѣшивается шкурка хорька или бѣлки. Одна изъ стороннихъ женщинъ беретъ мозговую

кость съ мясомъ и до трехъ разъ спрашиваетъ нарочито избраннаго мальчика: *хыни олодожи байна?* (Кого пеленаютъ?) Мальчикъ отвѣчаетъ: *убэй*, т. е. ребенка. Послѣ этого кладутъ въ ротъ ребенка кусокъ сала или бараньяго курдюка, и стягиваютъ люльку на хоймэръ (на западной сторонѣ юрты). Начинается жертвоприношеніе домашнему эжину. Колотъ барана, варятъ саломать, плещутъ въ огонь тощенное масло и мараютъ имъ другъ друга. Затѣмъ спустя нѣсколько времени, ни какъ не болѣе полугода, совершается жертвоприношеніе *Будляги эжину*. Колотъ барана и шаманъ мараетъ ребенка внутренностью вывороченной брюшины въ знакъ того, что онъ поступаетъ въ шаманскую вѣру. Спустя нѣсколько дней послѣ *будля* опять приносится жертва *Улан-хурыани эжину* въ знакъ того, что этотъ духъ будетъ хранителемъ ребенка во время всей его жизни. Наконецъ на 6 или 7-мъ году жизни мальчика приносится жертва *Шара тэхэин-эжину* (владыкѣ желтаго козла). Эта жертва приносится шаманомъ на дворѣ, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ юрты. Жертвенное животное *тэхэ* (домашняго козла) приводятъ сначала въ юрту, переднія ноги его кладутъ на плечи мальчика, за котораго приносится жертва, и выводятъ изъ юрты такъ, что козель идетъ только на заднихъ ногахъ. Шаманъ по обыкновенію дѣлаетъ воззваніе къ духамъ, мажетъ животное арсой или молокомъ, потомъ животное колотъ, мясо сѣдается, а кости жгутъ на жертвенномъ огнѣ. Веселый тухурианъ оканчиваетъ жертву. Говоря о частныхъ и семейныхъ обрядахъ и жертвоприношеніяхъ монголо-бурятъ слѣдуетъ сообщить еще о жертвоприношеніяхъ *омгонамъ* (домашнимъ изображеніямъ духовъ) и объ обрядѣ посвященія духамъ разнаго рода животныхъ. Жертвоприношенія *омгонамъ* очень просты: имъ брызгаютъ вино

или тарасунъ, а иногда въ припадкѣ особеннаго усердія намажутъ имъ фізіономіи сметаной, всунуть въ ротъ кусокъ мяса или сала, — съ нихъ и довольно! Что же касается до обрядовъ почитанія и посвященія эжинамъ разнаго рода домашнихъ животныхъ, то обряды относящіеся къ почитанію животныхъ общи не только всѣмъ язычествующимъ народамъ восточной и сѣверной Азіи, но, по свидѣтельству историковъ, они существовали даже у древнихъ египтянъ и грековъ. Де-Брассъ въ своемъ прекрасномъ мемуарѣ о культѣ боговъ-фетишей указываетъ на несомнѣнную связь между зоолатріей египтянъ и грековъ и почитаніемъ животныхъ у кочевыхъ народовъ сѣверной Азіи. Изобрѣтательное суевѣріе во всѣ времена, во всѣхъ странахъ и во всѣхъ классахъ животнаго царства сумѣло найти для себя предметы почитанія. Причины, почему у одного народа пользуются почитаніемъ однѣ, а у другого другія животныя, зависятъ, конечно, отъ множества историческихъ, этнографическихъ и географическихъ и другихъ въ настоящее время трудно объяснимыхъ условій.

Какъ въ древнемъ фетишизмѣ вниманіе человѣка привлекалось значеніемъ того или другаго предмета въ области міровой жизни, такъ и въ зоолатріи предметомъ культа служили и служатъ такія животныя, которыя по своей пользѣ или вреду играютъ видную роль въ экономіи природы и которыя поражаютъ неразвитый умъ человѣка своимъ необыкновеннымъ видомъ. Въ необыкновенной формѣ нѣкоторыхъ животныхъ, въ ихъ удивительныхъ инстинктахъ, въ образѣ жизни неразвитый умъ номада находитъ много загадочнаго, страннаго, что для него равно сверхъ-естественному.

Такъ, по свидѣтельству путешественниковъ, нѣкоторые африканскія племена почитаютъ тигра *), приносятъ ему въ жертву домашнихъ животныхъ и въ честь его совершаютъ

*) Тигра чтутъ и амурскіе инородцы.

Прим. редакціи.

религіозныя пляски, другія же благоговѣють предъ крокодиломъ. Медвѣдь почитается на сѣверѣ, агуаръ въ Бразиліи. Моарисы обожаютъ паука, въ нитяхъ котораго видятъ путь къ небу. У племенъ пастушескихъ, каковыми были всѣ монгольскія племена въ отдаленную эпоху своего существованія, все богатство состояло въ стадахъ, — скотъ доставлялъ имъ и пищу и одежду, и потому неудивительно, что въ ряду почитаемыхъ ими животныхъ видную роль играютъ тѣ животныя, сѣмя которыхъ плодитъ стада, какъ напримѣръ, *буха* (быкъ), *буса* (баранъ), *тэхэ* (козелъ).

Какъ въ фетишизмѣ неодушевленные предметы не были для человѣка богами въ собственномъ смыслѣ этого слова, а только носителями божественной силы, ибо безпристрастное изслѣдованіе древнихъ религій прямо говоритъ противъ гипотезы непосредственнаго натурализма, такъ и въ зоолатріи мы находимъ не обоготвореніе животныхъ, а только почитаніе ихъ по связи съ различными сверхъестественными существами, воплощеніемъ которыхъ онѣ признаются.

Такое значеніе имѣли и имѣють священныя животныя во всѣхъ религіяхъ, гдѣ культъ животныхъ составляетъ характеристическую черту народныхъ повѣрій. Аписъ египтянъ пользовался особеннымъ уваженіемъ своихъ поклонниковъ: въ честь его былъ созданъ храмъ въ Мемфисѣ, ему прислуживали цѣлыя толпы жрецовъ, а когда онъ издыхалъ, носили глубокой трауръ, поднимали плачъ и рыданіе. Но это былъ не просто быкъ черной масти съ бѣлымъ пятномъ на лбу, а прямо воплощеніе Озириса.

Такъ точно и *Буха-ноенъ* (господинъ быкъ) нашихъ бурятъ не просто *буха* чалый быкъ, а *Буха-ноенъ* быкъ божественнаго происхожденія, быкъ — *хубиланъ*, обладающій силою магическихъ превращеній, онъ въ тоже время и быкъ и человѣкъ. Какъ быкъ, онъ принадлежалъ стаду своего небеснаго

домохозяина Эсэгэ маланъ тэнгэрина, какъ челоѣкъ онъ принадлежалъ монгольской расѣ, имѣлъ въ супружествѣ неопи-санную красавицу (конечно, — въ бурятскомъ вкусѣ) *Буданъ хатунъ*; и только по смерти своей сдѣлался божествомъ, обитающимъ на верховьяхъ Саянскихъ горъ. Религіозное сознаніе шаманистовъ хотя и глубоко чтить своего батюшку Буха-ноена, но при этомъ вѣрить тому, что при жизни своей онъ былъ не болѣе какъ *хубиланомъ*, только воплощеніемъ божества. Буряты чтутъ тѣ мѣста, по которымъ шествовалъ хубилганъ Буха-ноенъ, благоговѣютъ предъ тѣми предметами, къ кото-рымъ онъ соприкасался. Мѣста, гдѣ онъ отдыхалъ, щипалъ траву, пилъ воду, дерево, о которое онъ чесался — все это со-ставляетъ предметъ глубокаго почитанія шаманистовъ. Кап-сальскіе буряты до сего времени приносятъ жертвы въ тало-вой рошѣ, на правомъ берегу рѣчки Куяды, гдѣ, по ихъ мнѣнію, Буха-ноенъ стоялъ, скрываясь отъ лѣтняго зноя, а тункинскіе буряты почитаютъ высокую листовицу, о которой онъ чесался, и съ благоговѣніемъ указываютъ песчаную горку *Эмилхунъ-болтокъ*, на которой Буха-ноенъ имѣлъ свой борхе-догхонъ (мѣсто для лежанія).

Но всѣмъ этимъ не ограничивается еще почитаніе *Буха-ноена*. У сѣверо-байкальскихъ бурятъ ему посвящаютъ съ разными обрядами и жертвоприношеніемъ сиваго быка, а про-воднику его *Уха солбону* рыжую лошадь. Обрядъ посвященія производится непременно шаманомъ, который предварительно обмываетъ животное теплой водой, окуриваетъ верескомъ или богородскою травой, затѣмъ наливаетъ въ чашку вина и, ставъ лицомъ къ югу, призываетъ того духа, которому посвя-щаетъ животное, называетъ его хранителемъ хозяина, про-ситъ его принять приносимую жертву, охранять скоть и обо-гащать хозяина. Окончивъ призываніе, шаманъ поливаетъ виномъ на шею животнаго, говоря: «Сень Буха-ноену, ко-

торый будучи еще качерикомъ, 8 разъ окружилъ вселенную по горизонту, спустился на священную гору Алтанъ Мундурго, замычалъ такъ ужасно, что потряслась земля, всколебалось море Байкаль». Затѣмъ, поливая на спину животного, провозноситъ: «Сэкъ Буха-ноену, который женившись на Буданъ хатунъ, размножилъ потомства эхиритовъ и булагатовъ». Съ такими же точно обрядами совершается посвященіе козла *Шара тэхэйнь эжину*, посвященіе барана *Уланъ хургиани эжину* и гнѣдой лошади *Хора моринэй эжину Ажира бого*.

Всѣ посвященные эжинамъ животныя пользуются почитаніемъ у бурятъ, имъ навязываютъ *заланы*, т. е. разноцвѣтныя тряпки. А лошадей и быковъ посвященныхъ, хотя и употребляютъ въ работу, но ни за что не дозволяютъ сѣсть на нихъ женщинѣ, ибо женщина, по возрѣнію бурятъ, существо нечистое и можетъ осквернить посвященное духамъ животное.

Есть много и другихъ мелкихъ обрядовъ состоящихъ въ почитаніи и посвященіи духамъ разнаго рода домашнихъ и дикихъ животныхъ, но ориентироваться въ этой массѣ религіозныхъ представленій, вѣрованій и обрядовъ, открыть господство какого-нибудь твердаго и опредѣленнаго закона движенія мысли въ этой хаотической игрѣ бурятской фантазіи составляетъ задачу, могущую привести въ затрудненіе самаго смѣлаго этнографа.

Кромѣ семейныхъ обрядовъ и жертвоприношеній, у сѣверо-байкальскихъ бурятъ есть еще обряды и жертвоприношенія общественныя, которыя отправляются въ извѣстное время года цѣлымъ улусомъ или родомъ. Эти общественныя жертвоприношенія называются по бурятски *тайлаганъ*. Тайлаганы отправляются бурятами три раза въ годъ: весной, лѣтомъ и въ началѣ осени.

Первый, весенний тайлаганъ отправляется въ концѣ мая мѣсяца въ честь благодатнаго возвращенія весны, «хэдээ охи бухаинъ зэхэргэдэ, сэсэк, дэлхей дэлэрэнэ», т. е. когда начинаетъ мычать чалый быкъ, когда степь покрывается зеленью и цвѣтами, тогда приносится общественная жертва природѣ — землѣ и водѣ. X

Земля и вода, вообще вся видимая природа, мертвая въ нашихъ глазахъ, буряту представляется живою и самодеятельною. Внѣшній міръ, по воззрѣнію шаманиста, полонъ жизни и таинственности, силы и значенія; природа живетъ, по его понятію, духовною жизнью и измѣняетъ свое расположеніе къ людямъ; она является то доброю матерью, то злою мачихою, то выказываетъ свой гнѣвъ, то весело улыбается человѣку. ✓

Нѣтъ сомнѣнія, что шаманство, одухотворяя силы и явленія природы, принимало различныя формы религіознаго сознанія, представляло собою различныя ступени въ развитіи религіозной мысли, путемъ постепеннаго развитія доходило отъ простыхъ до болѣе сложныхъ и отвлеченныхъ представлений, въ силу которыхъ предметы религіознаго культа, тѣже предметы видимой природы, представлялись религіозному сознанію въ иной формѣ съ инымъ значеніемъ, — предметы внѣшніе только случайная оболочка божества, только органы проявленія его силы.

По мѣрѣ того, какъ поэтическое олицетвореніе природы все болѣе и болѣе отдѣлялось отъ своей стихійной основы и получало въ убѣжденіяхъ массы независимое и самостоятельное бытіе, небо, земля и вода облекались въ человѣческія формы. Слѣды этого олицетворенія природы находимъ въ разнаго рода мифахъ и легендахъ. Въ нѣкоторыхъ бурятскихъ сказаніяхъ встрѣчаются живыя олицетворенія неба и земли. Такъ, въ одной бурятской легендѣ небо и олицетворено въ

образѣ *эснэ малань тэнгри* (плѣшиваго старика), который живетъ съ женою своею *экэ юрэнэ* на небѣ, въ огромныхъ палатахъ со множествомъ оконъ и дверей, занимается скотоводствомъ и покровительствуетъ бурятамъ.

✕ Земля, которую олицетворяютъ буряты, въ образѣ старухи *Эдугэнэ*, считается богинею богатства и плодородія. Старуха *Эдугэнэ*, повѣствуется въ одномъ вариантѣ бурятской сказки, живетъ во внутренности земли. Однажды три бурята Идинскаго вѣдомства пошли поохотиться за дичью, нечаянно встрѣтили бездонное отверстіе въ горѣ. Рѣшивъ изслѣдовать это подземелье, спустили въ него на длинной веревкѣ одного, болѣе смѣлаго изъ своихъ товарищей Мадаю. Спустившись въ глубь пещеры, Мадай замѣтилъ въ сторонѣ ея дверь, чрезъ которую зашелъ въ большую комнату и увидѣлъ множество сундуковъ, наполненныхъ серебромъ и золотомъ; по срединѣ комнаты было возвышеніе, на которомъ покоилась мать-земля старуха *Эдугэнэ*. Мадай поклонился ей по бурятскому обыкновенію *алаянэ хамдутахжн* (соединивъ свои ладони) и набралъ много серебра и золота, обогатился самъ и обогатилъ своихъ товарищей. Немаловажную роль играетъ въ экономіи природы вода. Шумъ, плескъ, вѣчное движеніе и плодотворная сила воды, участіе ея во всѣхъ отправленіяхъ жизни — все это заставляетъ видѣть въ водѣ нѣчто живое и могучее, все это вело неразвитый умъ номада къ олицетворенію этой стихіи въ образѣ *угунэ хатовэ*, (водяныхъ) къ которымъ религиозное сознаніе шаманистовъ относится, какъ къ существамъ живымъ, способнымъ мыслить и чувствовать. По бурятскимъ сказаніямъ *угунэ хаты* живутъ въ омутахъ полными домохозяевами среди тростниковъ и осоки, лѣтомъ бодрствуютъ, а зимою спятъ. Съ началомъ весны, когда начинается жизнь природы, *угунэ хаты* пробуждаются отъ зимней спячки, голодные и сердитые они начинаютъ обнаруживать

свою бѣшеную страсть все ломать и портить: ворочаютъ льды, вздымаютъ волны, сносятъ мосты и гати и разрушаютъ водяныя мельницы. Чтобы укротить ихъ бѣшеную страсть и расположить ихъ въ пользу человѣка, нужны, конечно, жертвоприношенія.

Вотъ этимъ-то олицетвореніемъ силъ и явленій природы обуславливается первый, — весенній тайлаганъ, состоящій въ приношеніи жертвъ природѣ — землѣ и водѣ «*дайда дэлхэй газаръ уун-до тахилъ тахиху*», говорятъ буряты, вознося свои молитвы объ изобиліи молока и счастливомъ приплодѣ стадъ.

Здѣсь шаманъ, а за отсутствіемъ его простой убугунъ (старикъ), брызгая тарасуномъ, произноситъ воззваніе къ башнюшкѣ небу распротершемуся къ матушкѣ землѣ широко раскинувшейся, испрашивая у нихъ здоровья и долголѣтія, продолженіе потомства и обиліе стадъ:

«Хурэй, хурэй», хурэйлэ!

Дэлэжи байху тэнгри ноян-га,

Дэлгэжи байху дайда-гха.

Ута нагханъ хуруйлба!

Уданъ жиргалъ хуруйлба!

Тумуръ буху амини хуруйлба,

То зугханъ арагуни хуруйлба,

Адутаи байнъ болхо-инъ хуруйлба,

Ашитай унуръ болхо-инъ хуруйлба!

Э — хурей!

«Т. е. призываемъ башнюшку небо распротершееся, матушку землю широко раскинувшуюся, и просимъ долгой жизни, крѣпкой какъ желѣзо, кожу толщиною въ четверть, богатство стадами и многочисленное потомство».

Второй, лѣтній тайлаганъ отправляется въ концѣ іюня, или въ началѣ іюля мѣсяца и состоитъ въ приношеніи жертвы

юэнъ-барунъ хат-ту—девяти югозападнымъ царямъ съ *буха-ноеномъ* во главѣ. *Буха-ноенъ* (господинъ быкъ) — главный герой безчисленнаго множества легендарныхъ сказаній и его дражайшая супруга *Буданъ хатунъ* чествуется шаманистами почти при всѣхъ жертвоприношеніяхъ, а въ лѣтній тайлаганъ имъ приносится первая чашка араки (вина), имъ отрѣзываютъ первый кусокъ жирнаго мяса.

Третій и послѣдній тайлаганъ бываетъ въ августѣ или сентябрѣ мѣсяцѣ, какъ-бы въ благодарность мѣстнымъ эжинамъ *утуги ноенамъ* за обильный урожай хлѣба и травъ.

Населяя всю природу духами, буряты одухотворяютъ и отдѣльныя мѣстности. Каждый улусъ, каждое урочище имѣетъ своего представителя въ ряду мѣстныхъ эжиновъ. Такъ, буряты Капсальскаго вѣдомства глубоко чтутъ *ундуръ хабсалай-эжина утуги ноена*. У бурятъ Аларскаго вѣдомства болѣе прочихъ пользуется популярностію мѣстный эжинъ—*халтинъ убуунъ уланъ зала мэрэнъ*—(халтинскій старикъ съ красною кистью). Это столѣтній убусунскій шаманъ, похороненный около Нилгинскаго улуса, недалеко отъ Аларской думы, гдѣ до сихъ поръ находится обожаемая аларцами высокая сосна, на которой будто бы еще недавно висѣли шаманскіе атрибуты—*хэсэ, оргой и тмууръ малахай* (бубенъ, плащъ и желѣзная шапка).

У бурятъ Балаганскаго вѣдомства болѣе извѣстенъ Болихай сынъ Тангаровъ. Это также древній знаменитый шаманъ, бездѣтный пьяница и кутила. Онъ, говорятъ буряты, подгулявши, закладывалъ свою шапку въ кабакъ, и она сама уходила изъ кабака и возвращалась къ нему на голову*). «Безвершинное дерево съ корня сухо, говорится въ шаман-

*) Недавно Нукутскій миссіонеръ о. А. М. передавалъ мнѣ бурятское преданіе, что будто бы Болихай, когда захочетъ выпить, втыкалъ въ стѣну свой хотегой (ножь), и изъ расщелины вытекалъ тарасунъ.

скомъ воззваніи къ Болихаю, у бездѣтнаго Болихая въ горлѣ сухо. Серебряный колокольчикъ надъ Алтаемъ звенить, Тангаровъ сынъ Болихай среди народа пируетъ, его бобровая шапка на дневное пространство видѣется. Золотой колокольчикъ въ народѣ звенить, Тангаровъ сынъ Болихай впереди мужчинъ идетъ; онъ отыскиваетъ своихъ друзей, чтобы погулять, онъ проторилъ дорогу къ кабаку». Въ Идинскомъ вѣдомствѣ почитается *ундуръ дэрэхи убугунъ*—старикъ, сидящій на высокомъ бугрѣ. Имя его страшно для произношенія, —его нельзя произнести, не брызнувъ ему каплю араки.

Все эти и имъ подобные эжины пользуются почитаніемъ шаманистовъ; отъ нихъ зависитъ пользованіе дарами природы. Если эжины извѣстной мѣстности имѣютъ какой-либо поводъ гнѣваться на своихъ обитателей, они начинаютъ скаредничать: почва дѣлается бесплодною отъ засухи, трава растетъ плохо, скотъ худѣетъ. Съ цѣлю умиловленія мѣстныхъ эжиновъ утуги-ноеновъ дѣлается третій и послѣдній тайлаганъ, на которомъ вмѣстѣ съ благодарностію за урожай хлѣба и травъ испрашивается покровительство эжиновъ для приплода и зимняго продовольствія стада.

Раздѣляясь по временамъ года и занимая три годовыя эпохи въ жизни монголо-бурята, тайлаганы мало отличаются одинъ отъ другаго по своей обрядности и по своему внутреннему религіозному значенію. Прежде всего они отличаются общиннымъ мірскимъ характеромъ, въ чемъ ярко выражается родовое начало, крѣпко лежащее въ основѣ семейной и общественной жизни монголо-бурята. Кромѣ того, что все тайлаганы отправляются съобща цѣлымъ улусомъ при условіяхъ равноправнаго и равномѣрнаго участія всехъ общественниковъ, они сопровождаются широкимъ гостепріимствомъ. Каждая юрта бурята открыта для званыхъ и незваныхъ гостей, каждая семья свято подчиняется всеѣмъ обычаямъ и обрядо-

стямъ по завѣту старины. Крѣпкій духъ общины и солидарности проявляется здѣсь во всѣхъ функціяхъ жизни монголо-бурята.

Не разъ доводилось мнѣ видѣть тайлаганы у кудинскихъ и капсальскихъ бурятъ, не разъ доводилось въ качествѣ нежданнаго гостя принимать участіе въ радушномъ тухурянѣ подгулявшихъ родичей, а въ минувшее лѣто, проживая около мѣсяца среди бурятъ Аларскаго вѣдомства, при содѣйствіи мѣстнаго о. миссіонера, хорошо знакомаго съ языкомъ и условіями бытовой жизни инородцевъ, я имѣлъ полную возможность прослѣдить всѣ подробности въ устройствѣ и отправленіи лѣтняго тайлагана въ 28 число іюня.

Мѣстомъ для отправленія тайлагана на этотъ разъ выбрано небольшое возвышеніе среди обширной Аларской степи, вблизи одного источника, называемаго по-бурятски *Аршанъ*, около котораго пилъ воду *Сохоръ-ноенъ*, одноглазый посланникъ Чингисъ-хана, преслѣдуя злую и коварную шаманку *Адегонъ-Тюби* *).

Въ назначенный для тайлагана день съ ранняго утра все народонаселеніе сосѣднихъ улусовъ, за исключеніемъ замужнихъ женщинъ: старики, мужчины, молодые парни и дѣвицы, даже маленькіе хубушки и басагашки, однимъ словомъ все, что могло ѣхать, идти, бѣжать, плестись, устремилось къ назначенному мѣсту. День былъ ясный и жаркій. Легкій вѣтерокъ перегонялъ по небу бѣловатыя разрозненныя облачки, которыя на минуту закрывали солнце и опять уносились въ невѣдомую даль. Степь пестрѣла народомъ, отдѣльныя группы бурятъ рисовались точно узеры на коврѣ, шумъ и говоръ оживляли картину. Семейства располагались отдѣльными группами на войлокахъ. Предъ каждымъ семействомъ или войло-

*) По сказанію главнаго родоначальника аларскихъ бурятъ П. П. Б. имя этой шаманки *Харжинъ-Тюби*.

комъ воткнута *тургэ* (березка), впереди разставлена посуда съ припасами: тарасуномъ, арсой и молокомъ. Тайлаганомъ заправляетъ нарочито избранный убугунъ (старикъ). Онъ распоряжался съѣстными припасами, опредѣлялъ мѣсто для разведенія жертвенныхъ огней, назначалъ кто будетъ держать и рѣзать жертвенныхъ животныхъ. На югъ отъ табора поставлены 9 тургэ (березъ), около главнаго жертвеннаго огня — *залама*, т. е. двѣ небольшія березки съ протянутыми шнурами. Каждый домохозяинъ, пришедшій на тайлаганъ, подходитъ къ заламѣ, бросая въ огонь арса (верескъ) или жодо (пихтовую кору), окуривалъ дымомъ принесенную съ тарасуномъ посуду и, привѣсивъ къ заламѣ два разноцвѣтныхъ коленокоровыхъ лоскутка, уходилъ прочь. — Нѣсколько вправо отъ заламы стояла, понутивъ голову, обреченная на съѣденіе лошадь, влѣво шесть молодыхъ буряты держали за рога по барану, на западъ двухколесныя арбы представляли нѣчто въ родѣ баррикадъ.

Жертвоприношеніе началось возліяніемъ тарасуна и молока. Изъ толпы отдѣлились шесть *убугуновъ* (стариковъ), образовали фронтъ, обращенный лицомъ къ югу и держа въ рукахъ чашки съ тарасуномъ и молокомъ, затянули въ голосъ слѣдующее воззваніе батюшкѣ *Буха-ноену*:

Сэкъ! Буха-ноень-до!

Аргамай ехэ эбэртэй

Алзамай ехэ турун-тэй

Ханжана ехэ байнохтай!

Буха-ноень абай

Буданъ хатунъ изи!

Шэгэнъ газар-аса,

Шабэръ-горхонъ уруслай.

Баганъ баганъ газаръ аса

Бардамъ хушэ уруслай....

Въ этомъ призываніи описываются физическія качества Буха-ноена. «Спустился онъ, говорится въ призываніи, съ серебрянаго голубаго неба, спустился, касаясь спиною облаковъ, ступая копытами на землю; поправляетъ онъ шерсть свою, поворачиваясь на сѣромъ пескѣ; чешетъ онъ шею свою о бѣлую прямую березу; рога у него величайшія, а подшейная кожа волочится по землѣ; гдѣ остановился онъ (шэгэн газаръ аса), произошелъ ручей Шабаръ *); гдѣ пометъ оставилъ, выросъ великолѣпный кедровникъ»...

Призываніе повторялось съ разными вариантами три раза. Послѣ послѣдняго восклицанія: «Сэкъ Буха-ноену», чашки бросили вверхъ, наблюдая при этомъ, какъ онѣ упадутъ. Если чашка упала отверстіемъ вверхъ, говорятъ «тойрокъ», это значитъ хорошо, а если отверстіемъ внизъ—это къ неблагополучію.

Послѣ возліянія атаки начался убой обреченныхъ на сѣденіе животныхъ. Начали съ лошади. Окропивъ ее предварительно молокомъ, за переднія и заднія ноги привязали веревки, подтянувъ ихъ въ противоположныя стороны, свалили животное спиною внизъ, и остро отточенный ножъ вонзили въ грудь беззащитной жертвы невѣдомому богу. Рѣзакъ дѣлаетъ продолговатый разрѣзъ на грудной полости и пропихавъ въ него правую руку, отрываетъ сердце отъ кровеноснаго сосуда. Издавая пронзительный крикъ, животное издыхаетъ въ ужасныхъ конвульсіяхъ. Таже операція повторилась и надъ баранами. Признаюсь откровенно, что изъ желанія поближе познакомиться съ бурятскимъ *малъ алаху*, я рѣшился было посмотрѣть на эту ужасную операцію, но, будучи не въ силахъ вынести болѣзненныхъ стоновъ животнаго, отвернулся и отошелъ по-скорѣе въ сторону. И эта ужасная операція,

*) Ручей Шабаръ впадаетъ въ р. Иркутъ въ недалекомъ разстояніи отъ Кырэнскаго дацана.

говорять буряты, изобрѣтеніе божественнаго Чингисъ-хана, который, по бурятскому преданію, былъ предобрая душа въ семействѣ. Прошло не болѣе 10 минутъ, какъ убитыя животныя были уже безъ шкуръ. Въ 5, 6 минутъ туши животныхъ разняли по частямъ, при этомъ, въ видахъ сохраненія *шумугуна* (мозга), кости не разрубались топоромъ, а при помощи ножа, отдѣлялись одна отъ другой по суставамъ. Мясо раскладывалось въ отдѣльныя кучи и поступало въ распоряженіе цѣлаго десятка поваровъ. Запылали костры, изъ котловъ повалили густыми клубами паръ. Мясо варилось въ тигонахъ (котлахъ) не мытое, безъ всякой приправы и соли. Чрезъ русскую глупую чистоту, говорятъ буряты, теряется вкусъ мяснаго. Въ воздухѣ разнесся запахъ араки. Молодежь возилась и хлопотала около котловъ, а почетные *убугуны* (старики), поджавши подъ себя ноги, сидѣли на войлокахъ, покуривая табачекъ и попивая водку. Мясо сварилось, его вытащили изъ котловъ и стали дѣлить на равныя части; при этомъ тщательно соблюдалась строгая справедливость въ дѣлѣжкѣ, непременно, чтобы каждому семейству досталась часть всякаго сорта мяса. Получивши слѣдующую часть мяса, домохозяева разносятъ его въ деревянныхъ корытцахъ, каждый на свой войлокъ—къ своей артели или семьѣ. Тогда *убугунъ*, распорядитель тайлагана, также беретъ свое корыто съ мясомъ и, качая его въ воздухѣ надъ главнымъ жертвеннымъ огнемъ, вслухъ всего народа произноситъ слѣдующее воззваніе: «Барунъ оронъ-аса алтанъ хэшикъ хурэй, хурэй, хурэй! Хитатъ орон-аса идэнъ хэшикъ хурэй! Тубутъ орон-аса номой хэшикъ хурэй, хурэй!»! т. е. съ югозападной стороны золотое счастье приди! съ китайской стороны удовольствіе въ пищѣ приди! Съ тибетской стороны духовное удовольствіе приди, приди! Потомъ обратившись къ народной толпѣ громко восклицаетъ: «Хара тологой зонъ амаръ-мэндэ! Хэрэ тологой зонъ

баран-мэндэ! Черноголовый народъ здравствуйте! Темноволосые люди всѣ здравствуйте! Какъ бы въ отвѣтъ на привѣтствіе, всѣ и каждый домохозяинъ, качая своими корытами надъ жертвеннымъ огнемъ, кричали: *«хурэй, хурэй! Шоной шу-дунъ угэй болокъ! Шолунъ эрмэкъ угэй болокъ, буру болашин-тай гаргаан. Э, хурей!* Да будутъ волки безъ зубовъ, камни тупыми, а телята жирны!

Вслѣдъ за этой обрядностію началось, можно сказать, настоящее обжорство. Въ воздухѣ опять разнесся запахъ араки. Пирующие съ алчностью пожирали полусваренное мясо, ловко отрѣзая ножомъ мелкіе кусочки около самого рта. При этомъ не совсѣмъ пріятно было смотрѣть, какъ у ядущаго жирный кусокъ конины какого-нибудь будунъ-ноена и у грызущей кость какой-нибудь хайханъ басагана (хорошенькой дѣвушки) изъ уголвѣ рта текла кровь недовареннаго мяса. За мясомъ слѣдовали въ видѣ десерта начиненныя кровью кишки. Съ удивительнымъ аппетитомъ пожираютъ буряты это національное кушанье. Это кушанье *идэнъ* говорятъ буряты, *Бойдо-чингисъ хаганъ исугэнъ хубунэй илакъ идэнъ!* Это кушанье было любимое блюдо божественнаго Чингисъ-хана Исугэева сына, который, покушавъ бычачьихъ и бараньихъ кишекъ съ кровью, заповѣдалъ: «отъ убитой скотины ни крови, ни потроховъ, словомъ ничего съѣдобнаго не бросать». Шумъ и говоръ ежеминутно увеличивались. Круговая чашка араки, туманъ бритыя головы родичей, довершала блаженство. Отрывистыя рѣчи перешли въ общій говоръ и крикъ, по временамъ слышалась крутая русская брань, изъ отдаленныхъ кружковъ доносились горловые звуки заунывной пѣсни.

Покончивъ мясоедѣніе, чисто обглоданныя кости, какъ жертву бурхану, тщательно уложили на приготовленное изъ березокъ ширэ и сожгли на жертвенномъ огнѣ. Этимъ можно сказать, оканчивается религиозно-обрядовая сторона тайлагана.

Собравъ опустошенную посуду, родичи расходятся по домамъ. На мѣстѣ тайлагана между потухавшихъ костровъ бродила цѣлая стая голодныхъ собакъ, а въ воздухѣ носились степные коршуны. Возвращаясь съ тайлагана, буряты, обыкновенно, берутъ горящія головни отъ жертвеннаго огня и, по приѣздѣ домой, кладутъ ихъ на огонь домашняго очага. При этомъ женатые люди считаютъ своимъ непремѣннымъ долгомъ привезти своей *хулиши* (женѣ) жирный кусокъ конины, такъ какъ замужнія женщины лишаются права участвовать при жертвоприношеніи на тайлаганѣ.

Вечеромъ послѣ дѣтняго тайлагана устраиваются танцы и разныя увеселенія, въ которыхъ принимаютъ участіе и мужчины и женщины, холостые парни и дѣвицы.

Въ увеселительномъ отношеніи главнымъ и существеннымъ содержаніемъ бурятскихъ игрищъ служить *ехоръ*, который представляетъ собою общую неизмѣнную форму коллективныхъ любовно увеселительныхъ отношеній бурятской молодежи.

Ехоръ—это не только игра, или забава, но онъ заключаетъ въ себѣ цѣлый кодексъ выработанныхъ степными обычаями морали и приличія въ границахъ которыхъ регулируется сближеніе бурятской молодежи. Это, можно сказать, тотъ же этикетъ, которымъ руководствуются интеллигентные свѣтскіе люди на балахъ и въ салонахъ.

Какъ на паркетѣ какого-нибудь миллионера-вельможи, такъ и на бурятской степи несоблюденіе условныхъ правилъ приличія можетъ скандализировать компанію.

Ехоръ начинается обыкновенно артистъ-запѣвало, который, взявши за руки двухъ басагановъ (дѣвицъ) выходитъ на сцену, напѣвая заунывно-протяжнымъ голосомъ: «Э, э, наша *ирыш*, *ехоръ духэй хатарышъ!*...

Къ нимъ присоединяются другіе любители ехора, образовавши кругъ, начинаютъ медленно двигаться въ одну сторону, лѣнливо переступая съ ноги на ногу напѣвая всё въ голосъ:

Тохомъ шинэн газари,

Тойрокъ байжи хатарье,

Гэээгэтхи сажа-я

Тонхеръ, сонхеръ, хатарья!

Подъ заунывный напѣвъ этой импровизаціи улусныя красавицы, желая выказать женственную прелесть своихъ движеній, кокетливо жестикулируютъ движеніемъ головы и плечъ, а молодые хубуны (парни) соперничаютъ съ ними ухарствомъ. Это, можно сказать, первая фигура ехора. Отдохнувши немного, артистъ начинаетъ второй куплетъ импровизаціи:

Хатарахши морин-до

Хату мина шамай-да,

Хатараши надан-да

Ехоръ-духэй шамай-да!...

При болѣе оживленныхъ звукахъ этой импровизаціи танцоры уже начинаютъ подпрыгивать, хубуны поталкиваютъ плечомъ басагановъ.

Вялая и чуждая поэзіи жизнь монголо-бурята рельефно обнаруживаетъ себя и въ пѣсняхъ и въ пляскѣ. Напѣвъ бурятскихъ пѣсенъ грустно-унылый, онъ наводитъ на душу грустное чувство; въ немъ слышится какое-то смутное безполезное сожалѣніе о чемъ-то невозвратномъ, только въ концѣ куплетовъ вырываются иногда какіе то дикіе и рѣшительные звуки.

И все это вполне объясняется тою монотонностію степи, которая окружаетъ бурята, тою незначительною подвижностію, въ которой онъ проводитъ свою жизнь, тѣмъ бѣднымъ запасомъ

знаній, которымъ онъ обладаетъ. Вялый и апатичный сынъ степи, буряты, не отличается живостію воображенія. Оно дремлетъ въ немъ подобно тому, какъ дремлетъ онъ самъ отъ образа своей кочевой жизни, отъ бѣдности своихъ моральныхъ потребностей. Ему чужды поэтическіе вымыслы и скудный запасъ его пѣсенъ не отличается роскошью фантазій, въ нихъ видѣнъ неподвижный консервативный характеръ азіатца, полный пассивной апатіи ко всѣмъ разъ зауроченнымъ невзгодамъ, совершенно чуждый всякой активной энергіи.

Бурятскій ехоръ вялъ и неловокъ. Это далеко не то, что нашъ разудалой русской *трепакъ*, когда подъ ногами ловкаго плясуна трясется изба и клокочетъ въ груди ретивое. Правда и при ехорѣ импровизированныя пѣсни быстро смѣняются одна другою и переходятъ въ концѣ въ какіе-то дикія безсвязные звуки: „ехэ, ихэ, ехоръ-я!... При чемъ танцоры, плотно прижимаясь другъ къ другу, скачутъ съ разинутыми ртами; но все это не болѣе какъ только напоминаетъ старинныя легенды о пляскѣ мертвыхъ на гробницахъ.

Въ то время, какъ бурятская молодежь веселилась танцами въ ехорѣ, почетные уругуны и знатные будунъ-ноены, не имѣя силъ и охоты къ хороводнымъ движеніямъ, съ эпикурейскою безпечностію возсѣдали тамъ и сямъ на войлокахъ и, пресыщаясь дарами *Вакха*, импровизировали пріятныя событія изъ своей жизни, начиная съ картинныхъ видовъ окружающей природы до частныхъ видовъ мелкой домашней жизни, выхваляя подвиги храбрыхъ монголовъ, удалъ и ловкость своихъ стрѣлковъ, поражающихъ мѣткою винтовкою лѣснаго звѣря. Здѣсь можно подслушать рассказы о грозныхъ временахъ Богдо чингисъ-хана, о плачевномъ состояніи туземцевъ при нашествіи *эхэ хахалтай монголовъ* длиннородыхъ чудовищъ (русскихъ казаковъ), которые владѣли ужаснымъ оружіемъ, издающимъ огненные звуки, о звѣрскихъ выходкахъ

ихъ хана Ибанъ Багаба (Ивана Похабова), который, между прочимъ, имѣлъ ужасный обычай *угаръ угахо* купать бурятъ въ прорубяхъ рѣки Ангары; здѣсь же слышится рассказы о графѣ Саввѣ Рагузинскомъ, проложившемъ дорогу по нашей землѣ и опредѣлившемъ границы золотою цѣпью.

Иногда съ рассказами о герояхъ можно подслушать подробные рассказы и о какомъ-нибудь частномъ событіи, которое дало поводъ напиться до безпамятства.

Подъ вечеръ, къ развлеченію публики выводятъ борцовъ. Атлеты выходятъ безъ рубахъ. Медленно подвигаются другъ къ другу, бросая искоса страшные взгляды, то склоняясь впередъ, схватывая землю и натирая руки, то уклоняются въ сторону — сторожатъ моментъ — и вдругъ разомъ бросаются одинъ на другаго. Борьба началась. Борцы долго ломаютъ другъ друга, стараясь свалить одинъ другаго, но послѣ продолжительныхъ усилій свалились оба, продолжаютъ бороться, валяясь по землѣ, наконецъ одинъ взобрался на другаго, и началъ давить. Изъ толпы выскочили нѣсколько человѣкъ и стащили побѣдителя съ его жертвы. Побѣжденный едва поднялся съ полу и, почесывая затылокъ, незамѣтно скрылся въ толпѣ. Не много спустя побѣдитель опять явился на сцену, сталъ важно расхаживать, поджидая соперника. Соперникъ не замедлилъ. Съ минуту потоптались на одномъ мѣстѣ, хватились, — удачный пріемъ, и борьба кончилась.

Говоря о разныхъ увеселеніяхъ монголо-бурятъ, нужно замѣтить при этомъ и то, что у бурятъ не считается тотъ праздникъ на славу, на которомъ не было драки. И тайлаганъ 28 іюня не обошелся безъ драки. Ссора завязалась изъ за какихъ-то пустяковъ. «*Яаб-ши?*» говоритъ одинъ, смѣло подступая къ другому. «*Юндэ тэнгэлэб-иш*» (что ты не сдурѣлъ-ли?), отвѣчаетъ другой, показывая своему противнику жирный кулакъ. Пошелъ *пьяная морда!* (Въ экстрен-

ныхъ случаяхъ буряты выражаются по-русски). Обиженный не стерпѣлъ,—завязалась потасовка. Толпа любопытныхъ обступила сцену. Иные дрались на кулаки, другіе употребляли въ дѣло дымящіяся головни, и всѣ эти сцены, завершавшія пиръ и веселье, происходили безъ всякой видимой причины къ ссорѣ. Нѣкоторыхъ отъявленныхъ буяновъ привязывали къ арбамъ и отправляли *ыртэ* (домой). Къ позднему вечеру поле пиршества усыяно было трупами павшихъ героевъ бахуса; многіе лежали уже безъ чувствъ, съ открытыми головами, уткнувшись носомъ въ землю. Нѣжная супруга ходила отъ одного трупа къ другому, отыскивая своего вѣрнаго нухура (мужа), нашедши, оборачивала его лицомъ вверхъ и вливала въ горло нѣсколько капель араки. Иной расхаживалъ, отыскивая друга и, наткнувшись на врага, давалъ ему нѣсколько пинковъ въ спину, но отъ напряженія терялъ равновѣсіе и падалъ тутъ же съ нимъ рядомъ. Державшіеся еще на ногахъ нѣсколько человѣкъ подошли къ намъ и каждый силился что-то сказать, о чемъ то спросить, но языкъ не повиновался и всѣ разомъ требовали, чтобы ихъ выслушать. Далѣе уже не было возможности оставаться въ кругу очумѣвшихъ родичей; припоминая древнее правило: «*save multos, si singulos non times*», мы сочли за лучшее удалиться во свояси. Было уже далеко за полночь. Ясный мѣсяцъ тихо плыль по темному небу, обливая своимъ волшебнымъ свѣтомъ обширную степь и эту *сохто боло* группу людей, въ безпорядкѣ бродившихъ около потухавшихъ костровъ. Улеглись стада, замолкли собаки; но долго еще въ воздухѣ раздавались горловые звуки монотонной пѣсни:

«Манагаръ огло ирэйгэ!

Сугла мяха шанахоб,

Манажи байганъ адун-га,

Нигэ хоюри укхуб...

«Завтра утромъ приходи ко мнѣ, кучу мяса наварю тебѣ».... Заунывымъ, тянущимъ за душу фальцетомъ долго тянулась эта безконечная пѣсня, долго еще раздавались дикіе крики буяновъ, долго носились въ воздухѣ безсвязныя рѣчи, пока, наконецъ, тяжелый сонъ не сковалъ ослабѣвшіе члены погулявшихъ на славу родичей.

Священникъ В. Копыловъ.

XXVII.

Агинскіе буряты и ламы.

Агинскіе буряты обитаютъ въ читинскомъ и отчасти нерчинскомъ и акшинскомъ округахъ.

Народъ этотъ на видъ здоровый, мужественный, по уму способный къ воспріимчивости всякихъ искусствъ и наукъ и скоро въ мастерствѣ и наукѣ превосходить русскаго; по характеру простой, добрый, веселый, гостепріимный и терпѣливый въ перенесеніи трудностей.

И могъ бы этотъ народъ по своимъ способностямъ скоро сдѣлаться цивилизованнымъ народомъ; но при всѣхъ своихъ способностяхъ буряты, хотя провели сотни лѣтъ въ составѣ нашего государства, до сихъ поръ по своей жизни бѣдны и жалки. До сихъ поръ они находятся въ дикомъ состояніи и ведутъ жизнь кочевую.

Причины, держащія бурятъ въ такомъ состояніи, заключаются въ ихъ степныхъ обычаяхъ и религіозныхъ вѣрованіяхъ, которымъ буряты подчиняются съ удивительною покорностію и вѣрностію. Буряты по своей воспріимчивости и добротѣ давно бы перешли къ русскимъ, переняли бы отъ нихъ и вѣру и обычаи, что сдѣлалось съ тунгусами вѣдомства князя Гантимурова, жившими около Нерчинска въ мѣстностяхъ густо населенныхъ русскими хлѣбопашцами. Это могло бы произойти тѣмъ легче, что до 1820-хъ годовъ агинскіе буряты были шаманскаго суевѣрія, что подтверждается разсказами русскихъ старожиловъ и самихъ бурятъ, обычаями и ре-

лигіозными обрядами шаманской вѣры, до сихъ даже поръ оставшимися у бурятъ и недавностью появившихся дацановъ. Агинскій дацанъ выстроенъ въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, Цугольскій вскорѣ послѣ Агинскаго. До упомянутыхъ годовъ не было дацановъ, а господствовало шаманское суевѣріе. При шаманскомъ же суевѣріи буряты скоро бы поняли свою плачевную жизнь, при столкновеніи съ русскими. Но къ сожалѣнію, они обитали, какъ и теперь, въ степяхъ, гдѣ не было русскихъ хлѣбопашцевъ. Хотя и существуютъ сотни лѣтъ пограничныя русскіе конные казаки, но они сами до сихъ поръ занимаются, на подобіе бурятъ, скотоводствомъ и чрезъ это подчинились даже вліянію бурятъ въ своей жизни.

Къ этому несчастію бурятъ (что не было русскихъ хлѣбопашцевъ) присоединилось другое и самое главное, — появилось съ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія ламство. Ламы въ какіе нибудь десять лѣтъ, при содѣйствіи русской администраціи, распространили свое суевѣріе во всемъ Агинскомъ вѣдомствѣ и выстроили дацаны. Съ тѣхъ поръ они вполне завладѣли бурятами и такъ искусно правятъ ими, что, если русское правительство не приметъ мѣръ противъ этихъ вредныхъ людей и непрощенныхъ гостей, пришедшихъ изъ Монголіи и теперь имѣющихъ постоянныя сношенія съ нею, то буряты останутся еще на сотни лѣтъ въ теперешнемъ состояніи и едва ли не дойдутъ до обезсиленія и вырожденія. Такъ можно заключать потому, что ламы съ одной стороны всевозможными средствами, дожью, клеветами и т. п. стараются отдалить бурятъ отъ русскихъ, держать ихъ въ ихъ дикомъ состояніи и вооружать ихъ противъ всего русскаго; съ другой стороны въ полномъ смыслѣ обезсиливаютъ бурятъ, держа ихъ въ первобытномъ состояніи, и приводятъ ихъ къ вырожденію, подчиняя бурята съ его имуществомъ и семейною жизнію своимъ гнуснымъ интересамъ.

Такъ, буряты съизстари занимаются скотоводствомъ, перекочевывая съ мѣста на мѣсто въ продолженіе года для отыскиванія подножнаго корма. Дѣтъ пятьдесятъ назадъ нѣкоторые буряты занимались и хлѣбопашествомъ въ большихъ размѣрахъ, какъ рассказываютъ объ этомъ сами буряты и русскіе, и что можно подтвердить старыми пашнями и канавами для провода воды на пашни. Но давно все это бросили и теперь исключительно занимаются скотоводствомъ. Рѣдко кто одинъ изъ тысячи сѣтъ и до сихъ поръ $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{2}$ десятины хлѣба. Болѣе сего я не слыхалъ и не видалъ.

Отчего же буряты не занимаются хлѣбопашествомъ? Причины сего находятся въ ламахъ. Ламы въ хлѣбопашествѣ видятъ шагъ къ осѣдлости и переходу къ русскимъ. Посему, завладѣвши бурятами, запрещаютъ имъ заниматься симъ дѣломъ. Такъ можно судить потому, что ламы и въ настоящее время являются къ бурятамъ, желающимъ заниматься хлѣбопашествомъ, и публично запрещаютъ имъ это дѣло, объясняя, что ламская вѣра не терпитъ хлѣбопашества и что великій грѣхъ дѣлаетъ тотъ изъ бурятъ, кто занимается земледѣліемъ. Не давно былъ случай подобнаго запрещенія съ однимъ бурятомъ около Агинской Степной думы.

Одинъ бурятъ, какъ рассказывалъ мнѣ агинскій миссіонеръ о. Алексѣй Норбоевъ, вздумалъ заняться хлѣбопашествомъ. Нанялъ русскаго вспахать десять десятинъ и приготовился сѣять. Вдругъ пріѣзжаетъ къ нему лама Агинскаго дацана и говоритъ: что ты дѣлаешь? Зачѣмъ ты, созданіе Божіе—траву и насѣкомыхъ, находящихся въ травѣ и землѣ, губишь? Траву перевернулъ вверхъ корнемъ, а насѣкомыхъ передалъ пластами земли. Неужели бурханы даютъ траву для того, чтобы буряты губили ее такимъ образомъ, какъ теперь ты ее загубилъ? А въ насѣкомыхъ, которыхъ ты передалъ, безъ сомнѣнія находились души твоихъ предковъ,

сородичей и мирно покоились. Великій ты грѣхъ сдѣлалъ! Сообрази и то, какъ земледѣліе можетъ мириться съ бурятскою кочевою жизнію? Тебѣ бурханы дали барановъ, чтобы ты снималъ съ нихъ шерсть, изъ шерсти каталъ потники, изъ потниковъ дѣлалъ юрты и перекочевывалъ со своими животными съ мѣста на мѣсто, отыскивая имъ подножный кормъ. А ты губишь траву, данную тебѣ на пользу. И теперь ты долженъ жить на одномъ мѣстѣ, чтобы караулить хлѣбъ отъ погравы, потомъ жать, убирать, молотить. Потребуется тогда амбаръ для хлѣба, мельница для молотья и домъ для печенья этого хлѣба. А при такихъ порядкахъ жизни прощай бурятская жизнь, въ которой жили твои предки и въ которой живемъ теперь и мы! Ты пойдешь къ мангутамъ (позорное названіе русскимъ). Брось все это и принеси за свой грѣхъ жертву бурханамъ. Иначе ты разоришься и погибнешь. Послѣ сего лама уѣхалъ. Бурятъ такъ любилъ хлѣбонашество и столько соединялъ съ нимъ завѣтныхъ думъ, что не послушался ламы, а рѣшилъ засѣять свои десятины. Но на несчастіе бурята, на другой день по отѣздѣ ламы у него пала корова отъ неизвѣстной причины. Бурятъ повѣрилъ, что лама правду говорилъ и бурханы начинаютъ уже наказывать его, и тотчасъ продалъ русскому за безцѣнокъ свои десятины. Поѣхалъ къ ламѣ, бывшему у него, раскаявается въ своемъ упорствѣ и проситъ ламу отчитать гнѣвъ бурхановъ, движимый уже на него за его грѣхъ; общается отдать жертву, какую потребуютъ бурханы за его преступленіе, и даетъ слово никогда не заниматься земледѣліемъ, какъ дѣломъ противнымъ бурятской ламской вѣрѣ. Такъ начатое дѣло у бурята и рушилось навсегда. X

Подобныя проповѣди и дѣйствія ламъ относительно земледѣлія, безъ сомнѣнія, всегда были и бываютъ среди бурятъ.

Мало того, ламы всегда говорят бурятамъ, что если они перейдутъ къ русскимъ, то непременно раззорятся. Русскіе, — говорятъ они, — платятъ подати за все, и за пахатную землю и покосы, отбываютъ и воинскую повинность, а буряты, пока будутъ бурятами, ничего подобного не платятъ и не отбываютъ и никогда не перемѣнится ихъ жизнь. Посему надо стоять за свою жизнь. Надо не только не креститься и не переходить къ русскимъ, а напротивъ поддерживать всѣми совокупными силами все свое бурятское и вооружаться противъ всего, что можетъ портить или ограничивать бурятскую степную жизнь, привольную и легкую.

Что дѣйствительно такія проповѣди бываютъ отъ ламъ къ бурятамъ, — это можно подтвердить слѣдующими фактами.

Лишь только дойдетъ слухъ о какихъ либо реформахъ со стороны русскаго правительства въ бурятской жизни, ламы поднимаютъ на ноги Агинское вѣдомство, собираютъ большія деньги и отправляютъ депутаціи въ Иркутскъ и даже въ Петербургъ, съ просьбою, предъ кѣмъ слѣдуетъ, объ оставленіи ихъ въ прежнемъ положеніи.

Вообще ламы являются первыми и самыми опасными и вредными агитаторами среди бурятъ противъ всего русскаго.

Такимъ образомъ, крѣпко и зорко ламы слѣдятъ за жизнію бурятъ, держать ихъ мощною рукою въ первобытномъ своемъ состояніи и не допускаютъ въ этой жизни никакихъ перемѣнъ.

Но что же буряту доставляетъ кочевая жизнь? Болѣе безтолковой, трудной и несчастной жизни, какъ жизнь кочевая, трудно и придумать.

Въ самое лучшее время года, — весною, лѣтомъ и осенью, когда осѣдлые люди запасаются на зиму всѣмъ необходимымъ, — хлѣбомъ, овощемъ, сѣномъ и тому подобнымъ, буряты ничего не дѣлаютъ, а проводятъ время на подобіе стре-

козы въ баснѣ Крылова. Увеселяють себя, какъ только могутъ, справляютъ праздники, пиры, дѣлають курицы, ѣздятъ на омбоны, хуралы. Къ этому присоединяются бѣги, картежная игра, бабки. Одно сѣно заставляетъ немного потрудиться, и то въ самомъ маломъ размѣрѣ. Это одно нарушаетъ ихъ веселые дни и ничего—недѣланіе. Иные, впрочемъ, вовсе не косятъ. Всѣ надѣются на подножный кормъ.

Самое же трудное время зимою, когда русскіе наслаждаются больше комнатнымъ тепломъ, буряты обрекаются къ жизни на открытомъ воздухѣ. День пасутъ животныхъ, а ночью охраняють ихъ отъ хищныхъ звѣрей. И все-таки бурятамъ часто приходится платиться этимъ звѣрямъ большимъ числомъ своихъ животныхъ. При кочевой жизни, буряты не имѣють ни дворовъ, ни загоновъ, и вѣтеръ, особенно весною, цѣлыми стадами уноситъ у нихъ животныхъ и гонитъ ихъ на ключи, на ледъ, на глубокіе снѣга, на стаи волковъ, и тутъ погибаетъ иногда все почти богатство бурята.

Но вся эта гибель ничто въ сравненіи съ тою гибелью, какая бываетъ отъ глубокаго повсемѣстнаго снѣга, который не рѣдко бываетъ въ упомянутыхъ округахъ. Скотъ сохнетъ отъ холода и голода, а потомъ, истощивши всѣ свои силы, погибаетъ. Такимъ образомъ, что накопится у бурятъ въ благопріятныя зимы, то въ суровую зиму все теряется, какъ и случилось минувшею зимою. Изъ тысячъ барановъ, лошадей и рогатаго скота у бурятъ остались десятки: все погибло въ снѣгу отъ холода и голода. Подобныя же несчастія при кочевой жизни бывають, когда скотъ подвергается разнымъ заразительнымъ болѣзнямъ и гибнетъ во множествѣ, что также случается у бурятъ не рѣдко.

Такъ при кочевой своей жизни буряты поставлены въ неминуемую опасность разомъ потерять все свое богатство. И часто терять его.

А чего стоит буряту расплодить своихъ животныхъ? Изъ единицъ скота онъ составляетъ десятки, сотни, а иногда и тысячи; плодитъ съ особенною страстію и жадностію, жалѣетъ заколотъ въ пищу, жалѣетъ продать для домашнихъ вопіющихъ нуждъ; питается, изъ-за страсти къ умноженію скота, падалью и волчьими объѣдками. Пало животное на степи отъ чумы или отъ голода, или заѣдено волками, — хищныя птицы своимъ крикомъ и летаньемъ укажутъ буряту остатки волчьей и собачьей трапезы, и онъ съ радостію увозитъ ихъ домой и доѣдаетъ. Часто же, особенно въ весенніе мѣсяцы, буряты въ полномъ смыслѣ голодуютъ до обезсилія. Все копитъ, все плодитъ свой скотъ — опять до несчастной зимы или несчастнаго случая, когда опять всего лишится. А сколько физическихъ трудовъ и лишеній буряты переносятъ во всякую зиму, особенно въ суровую снѣжную. Онъ день и ночь находится въ непосильныхъ трудахъ со всею своею семьею. День пасетъ своихъ исхудалыхъ животныхъ, отыскивая имъ подножный кормъ и разрывая иногда для этого снѣгъ, и если они не въ силахъ встать и идти, подымаетъ ихъ, возитъ даже на саняхъ отъ юрты до корму и опять къ юртѣ; ночь же караулитъ ихъ отъ волковъ. Страшно и сердечно жалко смотрѣть въ это время на всю обстановку буряты. Вокругъ юрты лежатъ уже павшія отъ голода животныя, а живыя еле бродятъ. Сѣна купить негдѣ, и все богатство, все достояніе буряты, вся краса его находится въ неизбѣжной опасности погибнуть. Сколько онъ тутъ перенесетъ и душевныхъ страданій! Словомъ, всю зиму страдаетъ, мучится физически и душевно со всею своею семьею, и все-таки, наконецъ, лишается своего богатства.

Но вотъ миновала зима, весна, настало лѣто, а веселья ли буряты послѣ такой несчастной зимы? Нѣтъ, глядя на жалкія единицы, оставшіяся отъ громаднхъ стадъ послѣ

несчастной зимы, буряты часто стоятъ съ поникшей головой и съ крайне грустнымъ лицомъ. Онъ не радуется уже этимъ жалкимъ напоминаніямъ о своемъ богатствѣ, а всѣ мысли его погружаются въ минувшее время, какъ онъ годъ тому назадъ обладалъ тысячными стадами разныхъ животныхъ, какъ пастухи его доносили ему о здоровьѣ и благополучіи его стадъ, какъ въ ушахъ его долго раздавалось, послѣ посѣщенія стадъ, не смолкающее блеяніе барановъ, ржаніе коней, мычаніе коровъ. Теперь же ничего почти нѣтъ, все погибло безвозвратно. И старое богатство ему кажется не бывшей уже дѣйствительностію, а какъ бы видѣннымъ во снѣ, который онъ силится припомнить и отъ котораго не хочется ему отвлечь свои мысли.

И буряты теперь начинаютъ понимать несчастную свою жизнь; называютъ свое богатство вѣтрянымъ животомъ, сномъ. Что наше богатство? говорятъ они. Это только до холодной снѣжной зимы, до первой пурги, до несчастнаго случая. Снѣгъ большой выпалъ, вѣтеръ подулъ, — и все наше богатство погибло.

Вотъ внѣшняя обстановка кочевой бурятской жизни, въ короткихъ словахъ. Чтобы описать подробно все, что дѣлается съ бурятомъ при такой жизни, какія онъ переноситъ лишенія, страданія, для этого потребуются цѣлыя книги.

Главный же виновникъ всего этого зла — лама, поддерживающій и оберегающій такую несчастную жизнь бурята. Ламы лѣтомъ, еще до сѣнокоса пророчатъ (ламы про себя говорятъ, что они могутъ говорить съ бурханами и узнавать, что случится съ бурятомъ), что сѣна косить не надо, потому что зима будетъ безснѣжная, ветоши будутъ тучныя, словомъ будетъ таргунъ жилъ (жирный годъ). И этими предсказаніями отвлекаютъ отъ сѣнокосенія и безъ того лѣниваго лѣтомъ бурята. Осенью, предъ кочевкою, ламы опять въ каждой юртѣ, читая надъ животными, пророчатъ каждому бу-

ряту, что животныя будутъ всю зиму жирны, здоровы и благополучны. И буряты вѣрить безпрекословно всѣмъ бреднямъ своего ламы, вѣрить въ него, какъ живаго бога, не смотря на то, что пророчества ламы не сбываются. Впрочемъ, лама и тутъ всегда найдется, что сказать для своего оправданія. Всѣ несчастія бурята онъ припишетъ собственнымъ его неправильнымъ дѣйствіямъ, его перекочевкамъ въ тяжелый день, или неправильной постановкѣ юрты среди другихъ юртъ. И суевѣрный буряты опять всему этому вѣрить и за свои прегрѣшенія приносить изъ остатковъ своихъ животныхъ жертвы своимъ бездушнымъ бурханамъ, отъ которыхъ, какъ бездушныхъ, переходятъ эти жертвы къ живымъ бурханамъ — ламамъ.

Да, время принятыся за несчастнаго бурята, разбить оковы, держація его въ такой жалкой жизни и показать ему жизнь новую, правильную, достойную человѣка, какъ созданія Божія и не оставлять его жить и питаться, какъ хищнаго звѣря, всякою падалью. Буряты вполне достойны вниманія и скоро можетъ оправдать на себѣ это вниманіе и вполне можетъ сдѣлаться оплотомъ русскаго государства. Теперь же нѣтъ никакого выхода ему изъ его несчастной жизни. Перейти къ русскимъ, окреститься, — по истинѣ правду говорить буряты, — все равно что удавиться при теперешнемъ состояніи бурята; его задавятъ ламы и собственное языческое начальство.

Такъ печальна и плачевна внѣшняя жизнь бурята. Какова же внутренняя, семейная? Кажется, что она еще плачевнѣе внѣшней. Буряты не отдыхаетъ въ семьѣ своей послѣ тяжелыхъ хозяйственныхъ и часто несчастныхъ обстоятельствъ. Удрученное сердце свое и измученное несчастіями не успокоиваетъ ласковостію своей жены. Семейная жизнь бурята отвратительна, распутна и опозорена до ужасной степени.

Такъ, буряты, по своимъ степнымъ обычаямъ, озабочиваются для сыновей своихъ пріискать невѣсту чуть ли не съ первыхъ дней появленія ихъ на свѣтъ Божій, и за невѣсту всегда обязаны платить калымъ,—купить ее. Этимъ обычаемъ очень много зла приносится въ семью, потому что выборы отцевъ никогда почти не согласуются съ желаніями жениха и невѣсты. Отцы величаются сватами, пьютъ, гуляютъ, а женихъ и невѣста и не знаютъ другъ друга, а, узнавши, начинаютъ часто ненавидѣть одинъ другаго. Но на это не обращается никакого вниманія. Отцы вѣрятъ, что если платится калымъ, то все ладно будетъ. За то какъ бы въ вознагражденіе дѣтямъ своимъ за свой поступокъ, отцы даютъ имъ полную свободу въ поведеніи. И о нравственности и цѣломудріи у бурятъ какъ будто и не существуетъ никакого понятія. Женихъ и въ особенности невѣста, сами отыскиваютъ себѣ по нѣскольку любовниковъ по влеченію своего сердца и развращаются нравственно. Въ развращеніи дѣвицъ особенно виновны ламы. Забывъ аскетическія наставленія своего учителя Шакьямуни, они оставляютъ дацаны, тысячами живутъ по улусамъ и ведутъ жизнь вполне распутную. Тѣмъ еще отвратительнѣе это, что ламы всѣ свои безнравственные поступки выдаютъ за согласныя съ ихъ вѣрою. Вѣра наша такая, нужды нѣтъ, говорятъ какъ буряты, такъ и ламы. У нихъ есть и богъ такой, который изображается въ самомъ отвратительномъ видѣ, и ему поклоняются съ особеннымъ благоговѣніемъ и усердіемъ.

Тысячу фактовъ можно было бы привести въ доказательство безнравственной и распутной жизни ламъ и бурятъ, если бы не было отвратительно говорить объ ихъ семейномъ развратѣ.

Вслѣдствіе такого понятія о цѣломудріи у бурятъ, женщина развращается съ самыхъ раннихъ лѣтъ и дѣлается

неспособною въслѣдствіи любить одного мужа, хотя бы онъ и оказался со всѣми достоинствами.

Вслѣдствіе этого со взятіемъ невѣстки въ семью не радости начинаются для мужа, отца и матери, а полное несчастіе, иногда до самаго гроба. Жена не любитъ мужа, такъ какъ не по согласію пришла, а за калымъ, да и, живя у отца, приобрѣла цѣлую толпу любовниковъ. Скоро бѣжитъ она назадъ къ отцу, — или прямо къ другому мужу. Послѣ напрасныхъ попытокъ ласками вернуть жену назадъ, начинается судъ на продолжительное время и оканчивается возвращеніемъ назадъ или калыма, или жены. И чрезъ это, при возвращеніи калыма является нужда искать новую подругу жизни, которая хотя и скоро находится, но не лучше первой. Повторяется та же исторія, т. е. жена опять уходитъ. И эта исторія въ продолженіе жизни повторяется нѣсколько разъ, такъ что вся жизнь бурята какъ будто и состоитъ въ томъ, чтобы хлопотать со своими сопутницами жизни, находить ихъ и расходиться съ ними. И бурятъ, измученный и раззорившійся чрезъ такіа хлопоты, все-таки часто остается одинокимъ доканчивать свою непріятную жизнь.

При возвращеніи же чрезъ судъ жены, счастье тоже не возвращается. Жена продолжаетъ ненавидѣть мужа, старается дѣлать ему на-перекорь на каждомъ шагѣ. Мужъ колотитъ ее, стараясь дубиной и кулаками выбить дурь изъ нея, и часто, ничего не могши сдѣлать, прогоняетъ ее самъ. Тогда, теряя жену, теряетъ и калымъ, потому что за прогнанную самимъ мужемъ жену калымъ не возвращается.

Иногда бурятъ, не желая лишиться своей жены, дѣлается самымъ жалкимъ рабомъ ея капризовъ, позволяетъ ей исполнять всѣ ея прихоти, доходящія до полного распутства и ужасныхъ заразительныхъ болѣзней.

Одно спасеніе иногда бываетъ для бурята, если рано появляются у него дѣти, которые связываютъ неуживчивую мать съ ихъ отцемъ. Но много ли бываетъ такихъ счастливцевъ при распутномъ поведеніи дѣвицъ и женщинъ бурятскихъ? Но иногда мать оставляетъ и дѣтей, и бѣжитъ къ другому мужу.

Такова семейная жизнь бурятъ, доводящая до вырожденія несчастный народъ... Глядя на такую семейную жизнь, на такое растлѣніе бурятъ, невольно чувствуешь въ душѣ ненависть къ ламамъ, — этимъ повавленнымъ гробамъ, полнымъ всякихъ нечистотъ, между тѣмъ, ходящимъ въ своихъ воскрыліяхъ, садящимся на переднія мѣста и ведущимъ несчастнаго бурята къ полной гибели.

Еще грустнѣе становится на сердцѣ и еще отвратительнѣе дѣлается лама, когда видишь, какимъ почетомъ и льготами пользуются эти распутные люди, вносящіе гниль въ жизнь жалкаго бурята, какъ укрѣпляется и упрочивается ихъ гнетъ надъ бурятами.

Не безынтереснымъ считаю въ заключеніе сообщить, какъ ламы и буряты рассказываютъ о распространеніи ламской вѣры среди агинцевъ.

Ламы говорятъ, что ламская вѣра имѣетъ родиною Монголію и Китай, и въ Агинское вѣдомство пришла лѣтъ 60 тому назадъ. Скоро принята она была бурятами потому, что обставлена была пышною обрядностію и шумною музыкою, въ противоположность убожеству шаманства. Желавшихъ остаться въ шаманствѣ начальство преслѣдовало; всѣ принадлежности шаманства сжигались. Ламы и до сихъ поръ, если замѣтятъ между бурятами шаманствующихъ, преслѣдуютъ такихъ, а найденныя шаманскія вещи жгутъ.

На распространеніе ламства и изгнаніе шаманства согласно было, говорятъ, и русское правительство; оно утвердило

ламскую вѣру и дало ламамъ льготы и привилегіи, которыхъ лишены шаманы. Кромѣ того, буряты рассказываютъ, будто бы имъ читали указъ Царя и Синода о перемѣнѣ шаманской вѣры на ламскую и они перемѣнили.

Теперь понятнымъ становится, почему буряты, при предложеніи имъ принять вѣру Христову, говорятъ: есть ли на это указъ Царя? и почему онъ не приходитъ? Если бы былъ такой указъ отъ Царя, мы бы перемѣнили вѣру.

Миссіонеръ, священникъ Павелъ Шавровъ.

Юня 1 дня 1885 г.

Оловянный рудникъ.

XXVIII.

О ламаизмѣ за Байкаломъ.

Ламаизмъ у бурятъ иркутскихъ и забайкальскихъ не есть религія древняя: это дитя, родившееся, выросшее и окрѣпшее подъ сѣнію русской власти.

До покоренія Восточной Сибири русскими единственною народною вѣрою бурятъ и тунгусовъ, населявшихъ Забайкалье и Иркутскую губернію, было шаманство. Даже въ Дауріи (Нерчинскомъ округѣ) ламы изъ Монголіи стали появляться не ранѣе XVIII в., и то въ началѣ по одиночкѣ и въ качествѣ лекарей. Къ ихъ религіозной пропагандѣ буряты долгое время оставались глухи. Буряты, по преданію, передаваемому Преосвященнымъ Ниломъ, отдѣлывались отъ назойливой буддійской проповѣди ламъ тѣмъ, что они народъ кочевой, и потому не могутъ исполнять требованій буддійской религіи. Но ламы счумѣли устранить это препятствіе: они стали устраивать свои кумирни въ юртахъ, которыя удобно было перевозить съ мѣста на мѣсто, вслѣдъ за перекочевками бурятъ. Эти юрты были такъ обставлены, что онѣ походили на кумирни и аптеки. Вмѣстѣ съ симъ стало быстро увеличиваться среди забайкальскихъ бурятъ число ламъ и ихъ вліяніе на бурятъ. Бѣдные шаманисты всюду подверглись преслѣдованію. Ни лѣса, ни горы не укрывали ихъ отъ мести ламъ. Цѣлыми стадами ламы, по словамъ Преосв. Нила, рыскали по всему Забайкалью, а въ началѣ XIX ст. явились и въ окрестностяхъ Иркутска. Въ 1741 г. мѣстное сибирское началь-

ство въ первый разъ обратило свое вниманіе на распространеніе ламства среди бурятъ. По свѣдѣніямъ, тогда собраннымъ русскою властію, оказалось, что въ это время за Байкаломъ было 11 дацановъ и 150 ламъ. Это открытіе было сдѣлано по тому поводу, что цонгольскій лама сталъ добиваться званія ширетуя. Сибирское начальство было удивлено: ламы и дацаны на его глазахъ выросли какъ бы изъ земли. На первый разъ оно ограничилось простымъ запрещеніемъ дальнѣйшаго распространенія буддизма, а для наблюденія за существующими ламами и дацанами дало настоятелю Цонгольскаго дацана титулъ ширетуя. Ламы были, конечно, рады, что русское правительство признало ихъ официальное существованіе. Доселѣ они были не болѣе, какъ простыми выходцами изъ Монголіи, которыхъ во всякую минуту русское правительство могло выгнать изъ Забайкалья. Ламы только этого и ждали, чтобы быстрымъ потокомъ разлиться по всему Забайкалью. И дѣйствительно, послѣ 1741 г. мѣстное сибирское начальство нѣсколько разъ собирало статистическія свѣдѣнія о числѣ ламъ и дацановъ, и каждый разъ находило быстрое увеличеніе ламства. Въ 1756 г. число ламъ увеличилось вдвое: ихъ найдено было въ этомъ году 312 человекъ, а въ 1766 г. число ламъ достигло уже 617 человекъ; слѣд. чрезъ 25 лѣтъ послѣ 1741 г., число ихъ увеличилось болѣе чѣмъ въ 4 раза. По переписи, произведенной въ 1822 г., найдено было у бурятъ иркутскихъ и забайкальскихъ 19 дацановъ и 2,532 ч. ламъ, а по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1842 г., оказалось ламъ 5,545 ч., при бурятскомъ населеніи, принявшемъ буддизмъ, въ 120,000 ч. Слѣд. изъ 20 человекъ общаго числа бурятскаго народонаселенія, принявшаго буддизмъ, одинъ былъ лама*). Но и на этомъ размноженіе ламъ

*) Буддизмъ Пресвященнаго Нила, стр. 250. Вторженіе буддизма въ Сибирь.

не остановилось; въ настоящее время, по наблюденіямъ лицъ, близко стоящихъ къ бурятамъ, число ламъ у забайкальскихъ бурятъ едва ли менѣе 10⁰/о всего бурятскаго населенія.

Такое размноженіе ламъ среди забайкальскихъ бурятъ, безъ сомнѣнія, вредно во всѣхъ отношеніяхъ: экономическомъ, политическомъ и религіозно-нравственномъ.

— Нужно ли это доказывать?

Вредное вліяніе ламъ на экономическій бытъ бурятъ ясно само собой. Гдѣ 10⁰/о всего населенія состоитъ изъ людей, официально и не официально свободныхъ отъ податей и повинностей, тамъ благосостояніе народа не можетъ не падать. Къ тому же ламы умѣютъ отлично эксплуатировать суевѣріе бурятъ. Безъ нихъ, безъ ихъ гурумовъ (требъ) не обходится въ настоящее время ни рожденіе дѣтей у бурятъ, ни болѣзнь, ни бракъ, ни погребеніе. Все это стоитъ крайне дорого*). Мало этого. Ѣдетъ лама, буряты спѣшатъ дать ему подводы**); входитъ лама въ гости, къ буряту, онъ рѣжетъ лучшаго барана для его угощенія. Думаю, что и благодатная природа Забайкалья не долго выдержитъ подобную эксплуатацію безчисленной стаи ламъ. Рано или поздно нужно ждать полнаго раззоренія забайкальскихъ бурятъ ламами, подобно тому, какъ они раззорили Монголію.

*) Напримѣръ за погребеніе богатый платитъ 81 скотину, чловѣкъ среднего состоянія 21, и самый бѣдный не освобождается отъ платы. За погребеніемъ слѣдуетъ длинный рядъ поминокъ и жертвоприношеній. У зажиточныхъ они справляются въ теченіе 49 дней, по утру, въ полдень и вечеромъ, а люди съ малымъ достояніемъ обязаны исполнить поминовеніе, по крайней мѣрѣ, три раза: въ 3-й, 7-й и 49-й день. Каждое поминовеніе сопровождается жертвоприношеніемъ животнаго, одна часть животнаго поступаетъ на долю умершаго и сжигается, остальными пользуются ламы. Сверхъ сего ламы получаютъ по животному за каждый совершенный ими обрядъ и общую благодарность за труды. (Буддизмъ Пресвящ. Нила, стр. 147—149).

**) Скорѣе православному архіерею буряты откажутъ въ подводахъ, чѣмъ ламамъ. О простыхъ миссіонерахъ и говорить нечего. См. Труды правосл. миссіи Иркутской епархіи. Томъ III, стр. 246.

Сверхъ вреда, приносимаго чрезмѣрнымъ размноженіемъ ламъ экономическому быту бурятъ, это размноженіе вредно и въ политическомъ отношеніи: оно скрѣпляетъ связи бурятъ съ Монголіей и Тибетомъ. Старое московское правительство дѣйствовало умнѣ насъ: чтобы разорвать связи бурятъ съ Монголіей, оно запретило имъ называться монголами, а велѣло называться бурятами, или братскими мужиками; оно также не пускало ламъ изъ Монголіи въ Забайкалье. Съ началомъ XVIII в. ламы безбоязненно стали являться изъ Монголіи въ Забайкалье и безпрепятственно размножаться. Что же вышло? Съ размноженіемъ ламъ и усиленіемъ ихъ вліянія на бурятъ, стали возрастать и укрѣпляться связи ихъ съ Монголіей и Тибетомъ. Монголія и Тибетъ получаютъ такое же значеніе въ глазахъ бурятъ, что Іерусалимъ въ глазахъ христіанъ. Туда ежегодно отправляются на поклоненіе ургинскому Хутухтѣ и Тибетскому Далай-ламѣ цѣлыя толпы бурятъ. Оттуда являются ежегодно въ Забайкалье разнаго рода гэгэны и хубильганы (святые, перерожденцы), обирающіе въ свою очередь простодушныхъ бурятъ*). Оттуда буряты получаютъ свои книги и всѣ принадлежности буддійскаго идолослуженія, а также разнаго рода реликвіи, которымъ приписываютъ чудодѣйственную силу. Туда спѣшать ламы для изученія высшей буддійской мудрости. Тамъ ближе буряты знакомятся съ монголами, родственными имъ по языку, образу жизни и вѣрѣ. Куда же, естественно, болѣе и болѣе должны склоняться симпатіи бурятъ, религіозныя и нравственныя? Къ Россіи ли, чуждой имъ по языку, вѣрѣ и образу жизни, словомъ, по всему строю жизни, или единоплеменной и едино-

*) Въ 1877 г. по словамъ Тугнуйскаго миссіонера, въ кумирняхъ Сульгинской и Галгатайской, монгольскіе ламы, подъ управленіемъ ламы Гаши-Бакши, совершали два дня сряду свое идолослуженіе. Этимъ ламамъ буряты пожертвовали до 2,000 рогатаго скота и лошадей, деньгами до 1,000 р., кромѣ разныхъ серебр. вещей. Труды правосл. миссіи Иркутской епархіи. Томъ III, стр. 171.

вѣрной Монголіи? Правда, доселѣ буряты оставались и осгаются непоколебимо вѣрными Россіи, но надолго ли? Мы сами какъ бы нарочно толкаемъ ихъ въ сторону Монголіи, не обращая достаточнаго вниманія на размноженіе ламъ и усиленіе ихъ вліянія на бурятъ.

Пока ламъ не было въ Забайкальѣ, даже пока число ихъ не было велико, буряты не чуждались русскихъ, ни ихъ вѣры, ни ихъ обычаевъ: они охотно принимали христіанство, а вмѣстѣ съ христіанствомъ и русскій языкъ и осѣдлость. За Байкаломъ вы найдете много деревень, населенныхъ, такъ называемыми, ясаиными. Ясашные — это потомки бурятъ и тунгусовъ, принявшихъ христіанство въ прошломъ, или въ началѣ нынѣшняго столѣтія. А теперь? А теперь это чисто русскіе люди, не только по вѣрѣ, но и по языку и образу жизни, хотя оффиціально и доселѣ считаются инородцами. Не то мы видимъ въ настоящее время. Не смотря на правильное устройство миссіи, успѣхи ея за Байкаломъ слабы. Виной этому, главнымъ образомъ, ламы. Они всячески преслѣдуютъ бурятъ, принявшихъ христіанство: „перейти къ русскимъ, окреститься, говорятъ буряты, все равно что удувиться“. Ламы всячески отвращаютъ бурятъ отъ осѣдлой жизни и усвоенія русской культуры; желающимъ заняться хлѣбопашествомъ говорятъ, что это великій грѣхъ; желающихъ вести осѣдлый образъ жизни страшатъ тѣмъ, что они будутъ платить подати и за землю, и за сѣнокосы, что ихъ будутъ брать въ солдаты. По словамъ агинскаго миссіонера, напр., агинскіе буряты лѣтъ за 50 въ большихъ размѣрахъ занимались хлѣбопашествомъ; объ этомъ говорили ему сами буряты; объ этомъ же свидѣтельствуютъ видѣнныя миссіонеромъ въ Агинской степи заброшенныя пашни и каналы для проведенія воды и пашни. Те-

перъ же рѣдкій изъ агинскихъ бурятъ сѣть хлѣбъ, и то не болѣе $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ десятины*).

А развратъ, вносимый ламами въ семейный бытъ бурятъ... Объ этомъ миссіонеры отказываются даже говорить. Извѣстно, что ламы отнимаютъ женъ у бурятъ, даже у родныхъ братьевъ**). Извѣстно, что при входѣ ламы въ юрту на ночлегъ, хозяинъ изъ уваженія къ ламѣ долженъ выйти изъ юрты, жену оставивъ съ ламою. Извѣстно также, что простые буряты, если у нихъ нѣтъ дѣтей, нарочно отдаютъ своихъ женъ ламамъ, и если она возвратится къ нимъ съ приплодомъ, приписываютъ это дѣйствию ламскихъ молитвъ. Такимъ образомъ ламы довели семейный бытъ бурятъ до полного разложенія. Когда миссіонеры указываютъ бурятамъ на развратъ въ ихъ семействахъ, они отвѣчаютъ: „нужды нѣтъ, вѣра наша такова, таковы и ламы.“

Удивительнѣе всего въ этомъ дѣлѣ то, что мѣстное сибирское начальство въ началѣ само покровительствовало распространенію ламства у бурятъ. Оно въ XVIII в. вмѣстѣ съ ламами преслѣдовало шамановъ, уничтожало ихъ обоны, отбирало и жгло всѣ принадлежности шаманскаго служенія. Отъ XVIII в. сохранился даже указъ мѣстнаго сибирскаго начальства, которымъ запрещалось хоронить бурятъ безъ ламскаго отпѣванія. Да и въ настоящее время ламство не рѣдко встрѣчаетъ покровительство чиновниковъ. Въ отчетахъ православныхъ миссіонеровъ, проповѣдающихъ вѣру Христову за Байкаломъ, можно встрѣтить множество фактовъ индифферентнаго отношенія чиновниковъ къ преступнымъ дѣйствіямъ ламъ, или явной ихъ защиты.

*) № 17-й Ирк. Епарх. Вѣд. за 1835 г.

**) Въ 1876 г. на Улятуйскихъ минеральныхъ водахъ за Байкаломъ я самъ видѣлъ ламу съ тремя женами, изъ которыхъ одна, говорили, отнята была имъ у роднаго брата.

Правда, быстрое чрезъ мѣру умноженіе ламъ среди бурятъ возбуждало иногда опасеніе начальства и оно предпринимало рядъ мѣръ противъ этого зла. Такъ оно въ этомъ столѣтіи нѣсколько разъ пыталось составлять штаты ламъ и дацановъ, съ строгимъ запрещеніемъ увеличивать ихъ число*). Этими штатами оно хотѣло положить предѣлъ чрезмѣрному размноженію ламъ. Съ цѣлію ослабить связи бурятъ съ Монголіей, — оно подчинило всѣхъ ламъ Бандидо-Хамбѣ-ламѣ, настоящему Гусиноозерскаго дацана**). Къ сожалѣнію, эти мѣры имѣли совершенно противоположные результаты: они еще больше скрѣпили связи бурятъ съ Монголіей и Тибетомъ, и могущественно содѣйствовали увеличенію числа ламъ. Видя неуспѣхъ всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій противъ размноженія ламъ, нѣкоторые сибирскіе администраторы, даже честные и благонамѣренные, кажется, на все махнули рукой: „пустъ ламы пожирають бурятъ, намъ до этого нѣтъ дѣла; когда нибудь буряты сами сознають весь вредъ, наносимый имъ ламами, и свергнутъ съ себя ихъ иго“. Такъ разсуждающіе не знаютъ, что буряты не по доброй волѣ послѣднее отдаетъ ламѣ, а потому что боится его, какъ колдуна, черно-книжника. И ламы всегда будутъ злоупотреблять его суевѣріемъ, если постороннее вмѣшательство не избавитъ его отъ нихъ. Показать и уяснить, почему законодательство и адми-

*) Въ 1825 г., при Главномъ Управленіи Сибири, составлены были штаты, по которымъ полагалось при 20 кумирняхъ имѣть 516 ламъ. Въ 1830 г. чиновникъ В. Ш., командированный для изслѣдованія ламства, составилъ свой штатъ, допускавшій 600 штатныхъ ламъ и 6,400 сверхштатныхъ. Въ 1842 г. Иркутское губернское правленіе полагало допустить существованіе 34 кумирень съ 580 ламами. Наконецъ, въ 1853 г., составлено было положеніе о ламайскомъ духовенствѣ, утвержденное Правительствомъ, въ которомъ число дацановъ назначено было 31, а число ламъ 275 (Буддизмъ Преосвящ. Нила стр. 255).

**) Первымъ, получившимъ званіе Бандидо-хамбо-ламы, былъ понгольскій лама. Это было въ 1764 г. Въ 1808 г. это званіе перешло къ гусино-озерскому ширетую, за которымъ остается и доселѣ.

ннстративныя мѣры, не разъ предпринимаемыя правительствомъ противъ размноженія ламъ и клонившіеся къ ослабленію связей бурятъ съ Монголіей и Тибетомъ, не удались — вотъ главная цѣль настоящей статьи. Не отказываемся намѣтить и болѣе дѣйствительныя мѣры противъ этого зла; вмѣстѣ съ симъ, въ заключеніе, постараемся опровергнуть все возраженія, которыя намъ приводилось слышать противъ вмѣшательства правительства въ религіозныя дѣла бурятъ.

Въ своихъ разсужденіяхъ объ этомъ вопросѣ мы будемъ имѣть въ виду главнымъ обр. Положеніе о ламайскомъ духовенствѣ 1853 г. Это была первая общая законодательная мѣра правительства относительно ламства. Она выработывалась сибирскою администраціею въ теченіе 30 лѣтъ: ей предшествовали собраніе статистическихъ свѣдѣній о ламахъ, неоднократныя послылки чиновниковъ для изученія быта бурятъ; ознакомленія съ китайскимъ законодательствомъ относительно ламства. Казалось-бы, Положеніе о ламайскомъ духовенствѣ 1853 г. должно было выйти *chef d'oeuvre* законодательнаго искусства сибирской администраціи. Но увы! Оно оказалось зданіемъ, построеннымъ на пескѣ.

Почему? Потому, что основныя начала, положенныя во главу Положенія о ламайскомъ духовенствѣ, не вѣрны.

Правительство признало въ немъ ламъ духовенствомъ, имѣющимъ тоже отношеніе къ простымъ бурятамъ, какое имѣетъ православное духовенство къ мірянамъ; на самомъ же дѣлѣ ламы вовсе не духовенство.

Оно хотѣло учрежденіемъ надъ ламами начальника въ лицѣ Хамбо-ламы съ архіерейскими прерогативами замѣнить Далай-ламу; но замѣнить во мнѣніи бурятъ Далай-ламу Хамбо-ламой невозможно; это два лица въ буддійскомъ мірѣ совершенно различныя.

Составители же Положенія о ламайскомъ духовенствѣ разсуждали такъ: Если есть буддійская религія, значитъ въ ней есть и духовенство. Кто же долженъ быть признанъ у бурятъ духовенствомъ и кто мірянами? Очевидно, ламы, которые носятъ особенную, отличную отъ простыхъ бурятъ одежду, совершаютъ идолослуженіе въ своихъ дацанахъ и читаютъ гурумы у бурятъ, есть духовенство, а прочіе буряты, которые ихъ почитаютъ, міряне-буддисты. Къ сожалѣнію, ламы признаютъ своимъ папой Далай-ламу, живущаго за границей, гдѣ-то въ Тибетѣ; это неудобно въ политическомъ отношеніи. Нельзя-ли замѣнить Далай-ламу своимъ домашнимъ бурятскимъ архіереемъ, который бы утверждался въ своемъ званіи, для возвышенія его авторитета въ глазахъ бурятъ, Высочайшею грамотою, получалъ въ награду медали, а потомъ и ордена? И вотъ въ силу этихъ соображеній ламство признается духовенствомъ, Хамбо-лама его начальникомъ, а прочіе буряты почислены мірянами буддистами*). Такъ-то просто рѣшаются у насъ дѣла величайшей важности! Составители Положенія не позаботились ближе познакомиться съ буддійскимъ вѣроученіемъ; они не подумали, что нельзя рѣшать религіозныхъ вопросовъ на основаніи однихъ внѣшнихъ признаковъ сходства. Вѣдь на основаніи этихъ признаковъ слѣдовало бы и шамановъ признать духовенствомъ: они также совершаютъ идолослуженіе и своего рода требы у бурятъ, надѣваются, по крайней мѣрѣ, въ это время особенную одежду. А жаль, что не признали и шамановъ духовенствомъ и не надѣлили ихъ разными привилегіями: это было-бы вполне послѣдовательно и либерально.

Мы сказали, что ламъ нельзя считать духовенствомъ. Въ самомъ дѣлѣ: что такое ламы, по буддійскимъ понятіямъ?

*) Разсужденія эти заимствованы нами изъ дѣла Главнаго Управленія Восточн. Сибири о составленіи Положенія 1853 г.

Это есть общество отшельниковъ, аскетовъ, назовите ихъ, пожалуй, болѣе знакомымъ именемъ монаховъ*). Простымъ отшельникомъ и аскетомъ былъ самъ основатель буддизма Шакіямуні. Послѣдователями его считались только тѣ, которые вступали въ основанное имъ общество отшельниковъ. Первые послѣдователи Будды, подобно христіанскимъ подвижникамъ, жили въ лѣсахъ и пещерахъ; впослѣдствіи они стали жить въ особо устроенныхъ зданіяхъ, или общежитіяхъ. Это и есть наши бурятскіе дацаны. Значитъ, дацанъ не приходскій храмъ, или зданіе, назначенное для общественной молитвы мірянъ; это есть нѣчто въ родѣ нашихъ монастырей**). При вступленіи въ общежитіе буддійскіе отшельники даютъ слѣдующіе главнѣйшіе обѣты: хранить цѣломудріе (обѣтъ безбрачія), шадить жизнь всего живого (не только челоуѣка, но и животныхъ и даже насѣкомыхъ), не касаться ни золота, ни серебра (обѣтъ отреченія отъ собственности) и заботиться о спасеніи всѣхъ тварей. Какъ отшельники и аскеты, первые послѣдователи Будды никакихъ ближайшихъ отношеній къ міру не имѣли. Всѣ ихъ отношенія къ міру ограничивались испрошеніемъ пищи, первоначально не болѣе, какъ на одинъ день. Никакихъ требъ въ родѣ нашихъ христіанскихъ, или еврейскихъ и магометанскихъ, у буддистовъ не было. Родились ли дѣти у мірянъ, женились ли они, умирали ли,—

*) Монашество христіанское въ настоящее время причисляется къ духовенству. Но первоначально, при своемъ появленіи, оно принадлежало къ сословію мірянъ; даже запрещалось монахамъ принимать санъ священства. Уже Халкидонскій соборъ спустя 150 лѣтъ послѣ появленія монашества, подчинилъ монаховъ особому надзору епископовъ, и этимъ сопричислилъ ихъ къ духовному сословію, тѣмъ болѣе, что запрещеніе монахамъ принимать санъ священства не только было оставлено, но даже изъ нихъ преимущественно избирались епископы.

**) Между тѣмъ въ Положеніи о ламайскомъ духовенствѣ 1853 года, дацану придано значеніе приходскаго храма, каждому дацану приписана извѣстная мѣстность, населенная бурятами, она прямо въ Положеніи называется приходомъ.

буддійскіе отшельники въ эти дѣла не вмѣшивались. Въ такомъ видѣ остается буддизмъ даже въ настоящее время въ Китаѣ, гдѣ буддійская религія есть одна изъ господствующихъ. Тамъ одни богатые люди приглашаютъ ламъ къ себѣ въ домъ для чтенія заклинаній надъ умершими, но не однихъ ламъ, но и послѣдователей другихъ сектъ*). По этому правильно говорятъ, что буддійская религія есть религія ламъ, а не народа**).

Къ сожалѣнію, не такъ поставлено дѣло у насъ. Ошибкою составителей Положенія 1853 г., признавшихъ ламъ духовенствомъ, выдумавшихъ какія-то требы у буддистовъ, ламы отлично воспользовались. Они теперь ведутъ своего рода метрики, въ которыя спѣшать вписывать бурятскихъ дѣтей, даже отъ смѣшанныхъ браковъ язычниковъ съ христіанами***), напутствуютъ своими обрядами (гурумами) родившихся, бракосочетавшихся, больныхъ и умершихъ бурятъ. Но что такое ихъ гурумы? Это есть странная смѣсь магіи, астрологіи и шаманства. Всего менѣе въ нихъ чистыхъ буддійскихъ элементовъ. Описывать всѣ ихъ гурумы для нашей цѣли излишне. Возьмемъ наудачу изъ книги Преосв. Нила описаніе гурума, совершаемаго надъ больными. Онъ называется у нихъ: „призывъ души“. Ламы вѣрятъ, что въ человѣкѣ двѣ души—животная и духовная; послѣдняя можетъ быть похищена у человѣка демонами; съ похищеніемъ этой души человѣкъ быстро слабѣетъ умомъ и памятью; лекарства ему не въ помощь, а лишь гурумы подають лучъ надежды и утѣшенія. Когда не останется сомнѣнія, что душа похищена у больного

*) Труды Пекинск. миссіи. Томъ II, объѣты буддистовъ, стр. 195. См. также сочиненіе Ольденберга: Будда, его жизнь, ученіе и община стр. 312.

**) Въ Китаѣ три религіи официальныхъ: конфуція, буддійская и лаоззи. Первая есть религія ученыхъ, вторая—ламъ, а третья народа.

***) Труды правосл. миссіи Иркутской епархіи. Томъ III стр. 537.

иргачиномъ, то первымъ долгомъ считаютъ умиловить адскаго бога Чойжило, дабы при помощи его вызвать похитителя и отобрать душу. Съ этой цѣлію дѣлають изображеніе десяти иргачиновъ, съ надписаніемъ на оборотѣ именъ ихъ. Дождавшись полуночи, иргачиновъ кладутъ въ мѣшокъ изъ сырой, пестрой кожи и завязываютъ такимъ же арканомъ въ девять оборотовъ. Потомъ нарочито избираемые изъ общества девять смѣльчаковъ, окруживъ заключенныхъ иргачиновъ и имѣя каждый въ готовности оружіе, какъ бы для ихъ пораженія, внимають заклинаніямъ, произносимымъ ламой по руководству таинственной книги Сидилъ. По окончаніи же заклинаній, одинъ изъ отважнѣйшихъ, схвативъ за арканъ и перекинувъ его чрезъ плечо, увлекаетъ мѣшокъ изъ юрты и трижды обѣгаетъ ее въ сопровожденіи толпы, старающейся сколько можно болѣе встревожить духовъ ночи дикимъ воплемъ, стукомъ оружія, звуками трубъ и бубновъ. А когда мѣшокъ съ иргачинами появляется въ предверіи юрты, его встрѣчаютъ стрѣльбою и поспѣшно выбрасываютъ истукановъ на землю, замѣчая, какъ они падаютъ, ницъ, или на спину. И тутъ же упавшихъ ницъ раздробляютъ молотомъ; напротивъ лежащіе на спинѣ признаются требующими новыхъ заклинаній. По сему опять кладутъ ихъ въ мѣшокъ и подвергаютъ новымъ усиленнымъ заклинаніямъ, повторяя вмѣстѣ съ тѣмъ и сцену бѣготни. Репетиція эта съ дополнительными къ ней обѣтами, опредѣляемыми книгою Сидилъ, продолжается дотолѣ, пока всѣ иргачины упадутъ ницъ и попадутъ подъ сокрушительный молотъ *).

Здѣсь въ описаніи гурума „призывъ души“, каждая подробность носитъ на себѣ ясныя слѣды шаманства. Шаманы также вѣрятъ, что болѣзни происходятъ отъ того, что душа человѣка похищается злымъ духомъ; чтобы исцѣлить больного, надобно отнять у него похищенную

*) Буддизмъ Преосвящ. Нила стр. 134.

душу и возвратить въ тѣло. Шаманы также дѣлають изображеніе того или другаго духа (читхура), похитившаго душу; также произносятъ надъ ними заклинаніе съ принесеніемъ жертвы; также выносятъ изъ юрты изображеніе читхура и бросаютъ его въ лѣсу, или вѣшаютъ на деревѣ, недостаетъ только чтенія какой-либо буддійской книги, но это потому, что у шамановъ нѣтъ письменности. Ясно, что ламы, не имѣя силъ одолѣть среди монголовъ шаманства, усвоили сами ихъ обряды, и даже вѣрованія о происхожденіи болѣзней. Самъ же буддизмъ не допускаетъ ни жертвъ, ни молитвъ, и слѣдовательно никакого посредничества духовенства; буддистъ спасается единственно аскетизмомъ. Изъ сказаннаго мной, кажется, достаточно ясно видно, что ламство въ буддійской религіи не есть духовенство, а отшельники, что всѣ ламскія требы у мірянъ, всѣ ихъ гурумы выдуманы единственно съ цѣлю эксплуатировать монголовъ и бурятъ и устранить хотя внѣшнимъ образомъ шамановъ. Въ этомъ отношеніи ламы имѣютъ большое сходство съ іезуитами, съ ихъ способомъ обращенія китайцевъ и индійцевъ въ христіанство; какъ іезуиты въ своей христіанской проповѣди примѣнялись къ народнымъ вѣрованіямъ и обрядамъ, такъ поступали и поступаютъ ламы въ отношеніи бурятъ*). Но слѣдуетъ ли русскому правительству узаконять подобное отношеніе ламъ къ простымъ бурятамъ. тѣмъ болѣе, что подобныхъ отношеній не существуетъ въ Китаѣ, откуда пришли къ намъ ламы? Пусть разсудитъ читатель!

Другая основная ошибка, допущенная въ Положеніи о ламайскомъ духовенствѣ,—это подчиненіе всѣхъ ламъ Хамбо-ламѣ съ цѣлю разорвать связь бурятъ съ Монголіей и

*) Это доказываетъ яснѣйшимъ образомъ отношеніе ламъ къ обонамъ: сначала ламы истребляли обоны, сожигали ихъ, а теперь, не могши истребить вѣру бурятъ въ обоны, сами усвоили ихъ; въ извѣстные дни совершаютъ при нихъ свои хуралы,—только безъ шаманскихъ жертвъ.

Тибетомъ. Составители Положенія, очевидно, не понимали, что Бандидо-хамбо-ламу нельзя приравнять къ Далай-ламѣ. Бандидо-лама (значить *ученый*) есть ничто иное, какъ почетный титулъ, даваемый въ Китаѣ ширетуямъ (настоятелямъ) нѣкоторыхъ буддѣйскихъ монастырей. У насъ этотъ почетный титулъ получилъ отъ Далай-ламы сначала цонгольскій ширетуй, а потомъ гусино-озерскій. Мы же сдѣлали гусино-озерскаго ширетуя начальникомъ всѣхъ ламъ Восточной Сибири. А Далай-лама не есть какой-либо административный начальникъ, даже не папа; это есть, по вѣрованію буддистовъ, одно изъ возрожденій Будды *), а по понятіямъ простыхъ бурятъ, святой человѣкъ, никогда не умирающій, знающій все настоящее и будущее, обладающій необычайною чудотворною силою, словомъ существо, имѣющее всѣ божественныя свойства. Административной власти надъ ламами Далай-лама не имѣетъ; онъ пользуется почетомъ, только какъ святой; въ управленіе ламами онъ не вмѣшивается. Правда, его именемъ иногда даютъ почетныя титулы разнымъ ширетуямъ, какъ у насъ гусино-озерскому; но этимъ и ограничивается вся его мнимая власть надъ ламами. И такъ можно ли замѣнить божественный авторитетъ Далай-ламы во мнѣніи бурятъ авторитетомъ Хамбо-ламы, простаго настоятеля дацана, хотя бы вы и дали ему высшую административную власть надъ ламами? Для большаго уясненія дѣла обратимся къ аналогіи. Представимъ себѣ, что въ какомъ-либо изъ нашихъ монастырей появился высокій

*) Собственно Далай-лама есть глава секты желтаго закона. Основателемъ этой секты былъ Цзунъ-наба, родившійся въ 1417 г. Этотъ Цзунъ-наба завѣщалъ двумъ своимъ ученикамъ преемственно перерождаться, поддерживать и распространять буддѣйское ученіе. Одинъ изъ этихъ учениковъ перерождается въ лицѣ Далай-ламы, другой въ лицѣ Бальчинъ-ламы. По преданію, душа Далай-ламы есть частица Бодисатвы Аваликотева, а Бальчинъ-лама есть перерожденецъ Бодисатвы Вадэиры. Китайскіе императоры въ 1652 г. дали Далай-ламѣ титулъ: добродѣтельнѣйшаго и могущественнаго западнаго Будды, Труды Пекинск. миссіи. Томъ II, стр. 449.

подвижникъ, въ родѣ Серафима Саровскаго, къ которому бы сталъ стекаться народъ для принятія благословенія и въ чаянїи исцѣленій. Вамъ это не нравится, и вы говорите народу: „не ходите къ этому монаху, вотъ вамъ свой мѣстный духовный начальникъ; обращайтесь къ нему въ вашихъ духовныхъ нуждахъ“. Послушался ли бы васъ народъ, какъ вы думаете? Не то же ли самое хотѣли сдѣлать и составители Положенія о ламайскомъ духовенствѣ, когда религиозно-нравственный авторитетъ Далай-ламы думали замѣнить возвышеніемъ административнаго авторитета Хамбо-ламы? Ясно, что попытка эта должна была кончиться ничѣмъ; связей бурятъ съ Монголіей и Тибетомъ не разорвали ею, а только создали среди ламъ новый санъ, приравниваемый бурятами къ архіерейскому, только сообщили единствомъ управленія большую силу организациі ламъ, съ которою теперь приходится бороться самому правительству. Прежде каждый дацанъ жилъ и управлялся самостоятельно и независимо, или же появлялись два Хамбо-ламы, напр., цонгольскій и гусиноозерскій, которые своимъ соперничествомъ и внутренними спорами подрывали силу ламства *). А теперь всѣ они, руководимые Хамбо-ламой, дѣйствуютъ какъ одинъ человѣкъ. Можетъ быть, Положеніе о ламайскомъ духовенствѣ 1853 г., при всей невѣрности основныхъ его началъ, принесло бы нѣкоторую пользу, еслибъ оно исполнялось. Въ немъ строго запрещается строить новые дацаны, или возводить въ сословіе ламъ кого либо сверхъ штата; виновнымъ въ нарушеніи этого закона угрожается лишеніемъ сана и обращеніемъ въ свѣтское званіе; дозволяется ламамъ выходить изъ своихъ дацановъ не иначе, какъ по письменному каждому разъ дозволенію ширетуя, и не далѣе черты своего прихода, для исполненія требъ, по требованію прихожанъ; ламъ, уличенныхъ въ блудъ, повелѣвается лишать

*) Буддизмъ Преосвящ. Нила стр. 253.

сана, съ запрещеніемъ носить ламскую одежду; всѣмъ вообще ламамъ запрещается принимать въ свои дома женщинъ; за нарушеніе сего виновный низводится на низшую степень, а хуваракъ обращается въ свѣтское званіе. Школу для приготовленія дѣтей къ ламскому служенію дозволяется имѣть только при Гусино-озерскомъ дацанѣ изъ 35 человѣкъ. Казалось бы, приняты всѣ мѣры къ уменьшенію числа ламъ и къ поддержанію ихъ нравственности. На дѣлѣ вышло не то.

Всѣ мѣры, клонившіяся къ уменьшенію числа ламъ за Байкаломъ, остались мертвою буквою, во-первыхъ потому, что ламы вскорѣ нашли множество лазеекъ, обойти законъ, во-вторыхъ потому, что за исполненіемъ изданныхъ законовъ никто не наблюдалъ. Обязательнымъ наблюдателемъ за исполненіемъ сдѣланъ первый нарушитель его Хамбо-лама.

Ламы перестали строить новые дацаны на новыхъ мѣстахъ, но они постарались перестроить старые дацаны въ болѣе великолѣпномъ видѣ, вмѣсто деревянныхъ возвести каменные и наполнить ихъ идолами, вывезенными изъ Монголіи; а главное, они построили въ разныхъ мѣстахъ множество молитвенныхъ домовъ (сумэ), при которыхъ всегда живетъ одинъ или двое ламъ. Всѣ эти сумэ суть тѣже дацаны, только не официальные, или лучше, зачатки будущихъ дацановъ. Но они меньше настоящихъ дацановъ бросаются въ глаза русскому начальству, и потому являются болѣе сподручнымъ средствомъ обойти законъ, запрещающій строить новые дацаны сверхъ дозволенныхъ 34. Кому также неизвѣстно, что вопреки закону 1853 г., дозволившему имѣть одну только школу при Гусино-озерскомъ дацанѣ изъ 35 учениковъ для приготовленія ламъ, ламы завели такого рода школы не только при всѣхъ дацанахъ, но и при многихъ молитвенныхъ

* домах *)? Въ этихъ школахъ изучается одна только тангутская (тибетская) грамотность и буддѣйская обрядность; вышедшіе отсюда мальчики часто не умѣютъ читать не только по-русски, но и по-монгольски. Очевидно, всѣ эти школы имѣютъ въ виду единственно приготовленіе дѣтей къ ламскому служенію. И дѣйствительно, находясь въ школѣ, они носятъ названіе хувараковъ, а за тѣмъ получаютъ и дальнѣйшія ламскія степени: брѣютъ голову, надѣваютъ ламскую одежду, и участвуютъ въ совершеніи ламскаго идолослуженія въ качествѣ дѣйствительныхъ ламъ. Правда, официально они числятся простыми бурятами, но въ глазахъ бурятъ они имѣютъ тоже значеніе, что и официальные ламы. Вербовать для своихъ школъ учениковъ ламы великіе мастера. Случилось съ бурятомъ несчастіе, по увѣренію ламъ, единственное средство отвратить это несчастіе,—это обречь одного изъ своихъ дѣтей въ ламское званіе; родилось у бурята дитя, ламы говорятъ, что жизнь и счастье новорожденнаго и даже цѣлаго семейства зависитъ отъ посвященія его въ ламы, что такова воля боговъ. Бурятъ вѣрить имъ, и если у него двое дѣтей, одного изъ нихъ непременно будетъ готовить въ ламы **). Прибавьте къ этому не малое число ламъ, вышедшихъ въ заштатъ. Въ заштатъ идутъ не престарѣлые, больные, сдѣлавшіеся неспособными исполнять свои обязанности люди, нѣтъ, люди крѣпкіе и здоровые. Зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы дать мѣсто въ штатѣ другимъ ламамъ. Какъ не штатные ламы, такъ и вышедшіе въ заштатъ ничего не теряютъ отъ того, что они не значатся въ числѣ штатныхъ, напротивъ, имѣютъ предъ послѣдними много преимуществъ. Всѣ они наравнѣ съ штатными ламами не официально освобождаются

*) Труды правосл. миссіи томъ III, стр. 478, 480. Ирк. Епарх. Вѣд. за 1885 г., № 17.

**) Буддизмъ Преосвящ. Нила стр. 258—259.

отъ всѣхъ податей и повинностей, всѣ они наравнѣ съ штатными ламами могутъ совершать разнаго рода гурумы и хуралы и получать богатые доходы за исполненіе ихъ. Въ тоже время они приобрѣтаютъ право имѣть собственность, занимать должности родовыхъ начальниковъ, жить на волѣ, безъ всякаго надзора, не заботясь ни мало объ исполненіи своихъ обѣтовъ; они имѣютъ женъ, и не одну, а двѣ и три и живутъ съ ними открыто, публично. При всемъ своемъ зазорномъ поведеніи, уваженія къ себѣ простыхъ бурятъ они нисколько не теряютъ. Буддизмъ въ этомъ отношеніи очень изобрѣтателенъ. Во-первыхъ, въ числѣ главныхъ обязанностей буддиста полагается поклоненіе тремъ драгоценностямъ: Буддѣ, его ученію и основанному имъ братству (т. е. ламамъ). Во-вторыхъ, въ улигерунѣ далай (море притчей). мнѣ помнится, встрѣчается такого рода поученіе: всегда смотри на ламу, какъ на перерожденца Будды; не соблазняйся, если замѣтишь за нимъ что-либо худое; думай, что тебѣ такъ показалось, ибо лама, если и дѣлаетъ, повидимому, что либо худое, то единственно для испытанія твоей вѣры. Такъ и всесовершеннѣйшій Будда принималъ на себя видъ волка, льва, дракона и т. п., для испытанія своихъ учениковъ. Ясно, какъ бы ни зазорно было поведеніе ламы, уваженія къ себѣ бурятъ онъ потерять не можетъ; разъ онъ въ ихъ глазахъ перерожденецъ Будды, онъ остается имъ на всю жизнь, какія бы пакости ни творилъ. При этомъ же простые буряты вѣрятъ, что чтеніемъ своихъ книгъ всякій лама можетъ навести на человѣка всякаго рода болѣзни и бѣдствія, онъ же можетъ и освободить его отъ нихъ. Какъ же бурятамъ не уважать ламъ и не бояться ихъ? Въ отношеніи къ совершенію гурумовъ нештатные лама, кажется, даже предпочитаютъ штатнымъ; къ штатному ламѣ нужно ѣхать въ дацанъ, иногда далеко, а нештатный всегда подъ рукой. Зачѣмъ же ламамъ

дорожить званіемъ штатнаго ламы? Въ штата имъ живется, если не сытнѣе, то вольготнѣе. Вотъ почему нештатныхъ ламъ разныхъ ранговъ за Байкаломъ можно встрѣтить вездѣ среди бурятъ, чуть не на каждомъ шагу; на это гражданское начальство не обращаетъ никакого вниманія; указаніе миссіонеровъ на незаконное существованіе нештатныхъ ламъ остается голосомъ вопіющимъ напрасно. Говорятъ, на первый разъ, по изданіи Положенія о ламайскомъ духовенствѣ, нештатные ламы сняли съ себя ламскую одежду и надѣли простую, бурятскую, но при этомъ къ воротнику пришивали желтую или красную нашивку, и всякъ зналъ, что это не простой бурятъ, а лама. Но вскорѣ бросили и эту предосторожность, видя, что русское начальство не обращаетъ на нихъ никакого вниманія: теперь всѣ они носятъ открыто ламскую одежду.

Итакъ, русскій законъ допускаетъ у бурятъ только известное число штатныхъ ламъ; на самомъ же дѣлѣ существуетъ множество ламъ сверхъ штата. Вся разность между штатными и нештатными ламами заключается въ томъ, что одни должны жить въ дацанѣ, другіе внѣ дацана; одни не могутъ оставлять дацана безъ письменнаго дозволенія ширетуа*), другіе свободно проживаютъ по улусамъ; одни подлежатъ хотя слабому надзору, другіе остаются безъ всякаго надзора; одни не могутъ занимать общественныхъ должностей, другіе могутъ; одни не могутъ пускать къ себѣ женщинъ, другіе публично живутъ съ женами. Разница, очевидно, не въ пользу штатныхъ ламъ.

Далѣе законъ 1853 г. въ своей редакціи отличается крайнею неопредѣленностію и неточностію. Напр., законъ этотъ грозитъ ламамъ, уличеннымъ въ прелюбодѣянніи, или

*) Законъ этотъ, впрочемъ, до того пренебрегается, что въ нѣкоторыхъ дацанахъ, особенно въ лѣтнюю пору, можно встрѣтить только сторожа, а ламы свободно гуляютъ по улусамъ.

нарушеніи его постановленій, лишеніем сана и обращеніем въ свѣтское званіе, но не говоритъ опредѣленно, кто долженъ лишать ламъ сана, въ чемъ должно состоять это лишеніе сана, и потому законъ этотъ остался, да и не могъ не остаться пустою угрозою. У насъ, православныхъ, лишенный сана священникъ не имѣетъ права называться священникомъ, носить рясу и совершать какія-то ни было требы у мірянъ, тѣмъ болѣе общественнаго богослуженія. За исполненіемъ этого закона строго слѣдитъ духовное и свѣтское начальство. Виновный въ нарушеніи его подвергается ссылкѣ. А у ламъ... въ чемъ состоитъ лишеніе сана? Въ изгнаніи ихъ изъ дапана? Но они этому рады. Въ обложеніи ихъ податями? Но за нихъ эти подати заплатятъ общественники. Въ запрещеніи носить ламскую одежду? Но мы видѣли, какъ ламы могутъ обойти это запрещеніе. О томъ, что ламы, лишенные сана, не должны называться ламами, совершать буддійскихъ обрядовъ въ качествѣ ламъ, въ законѣ ничего не говорится. Положимъ, что это само собой разумѣется... Но спрашивается: кто будетъ наблюдать за ламами, лишенными своего званія, чтобы они не носили ламской одежды и не совершали буддійскихъ обрядовъ въ качествѣ ламъ? Хамбо-лама и ширетуи? Но это не въ ихъ интересѣ: въ ихъ интересѣ, напротивъ, плодить ламъ и укрывать ихъ противозаконныя дѣйствія и противозаконное существованіе. Чиновники? Но еслибъ даже нашлись среди нихъ строгіе блюстители закона, что они съ ними будутъ дѣлать? Законъ объ этомъ молчитъ. Слѣд., остается одно, отпустить ихъ на всѣ четыре стороны. Неудивительно послѣ этого, что Положеніе о ламайскомъ духовенствѣ 1853 г., изданное съ цѣлію положить предѣлъ увеличенію числа ламъ, не достигло своей цѣли.

По нашему мнѣнію, слѣдовало бы вовсе уничтожить привилегіи, дарованныя закономъ 1853 г., штатнымъ ла-

мамъ и лишить Хамбо-ламу тѣхъ правъ, какія ему усвоены; ибо эти права и привилегіи послужили только къ большому усиленію ламства; если же этихъ привилегій по отношенію къ настоящимъ штатнымъ ламамъ уничтожить нельзя, то слѣдуетъ издать болѣе точные законы относительно ламъ будущихъ и всѣхъ теперь не числящихся въ штатѣ, а именно:

Во-первыхъ, не ограничивая штатомъ числа ламъ, запретить желающимъ быть ламами жить внѣ дацановъ, какъ требуетъ того буддійское ученіе и Положеніе о ламайскомъ духовенствѣ 1853 г. для штатныхъ ламъ.

Во-вторыхъ, слѣдуетъ привести въ исполненіе доселѣ остававшееся безъ исполненія Высочайше одобренное мнѣніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 14 марта 1873 г., о запрещеніи ламамъ совершать какіе бы то ни было буддійскіе обряды внѣ дацановъ, особенно при обо. Пусть, кто хочетъ изъ бурятъ совершить какой-либо буддійскій обрядъ, идетъ для этого въ дацанъ. Это тѣмъ справедливѣе, что всѣ обряды ламскіе, совершаемые ими внѣ дацановъ, заимствованы ими отъ шамановъ, и доселѣ носятъ всѣ признаки шаманскаго идолослуженія.

Въ третьихъ, на основаніи того же забытаго Высочайше одобреннаго мнѣнія Министра Внутреннихъ Дѣлъ запретить строжайшимъ образомъ заведеніе школъ при дацанахъ и молитвенныхъ домахъ, кромѣ Гусино-озерскаго дацана. Если буряты желаютъ обучать своихъ дѣтей, пусть они открываютъ школы подѣ надзоромъ дирекціи училищъ; при чемъ въ числѣ обязательныхъ предметовъ должно быть преимущественнымъ преподаваніе русскаго языка; еще лучше, еслибъ самое преподаваніе велось на русскомъ языкѣ.

Въ четвертыхъ, кто изъ бурятъ, живущихъ внѣ дацана, будетъ замѣченъ въ ношеніи ламской одежды, или будетъ

брить голову подобно ламамъ, совершать какіе-бы то ни было гурумы у бурятъ, или участвовать въ качествѣ ламы въ совершеніи хураловъ (общественнаго идолослуженія) при обонахъ, тѣхъ немедленно водворять въ дацаны для безвыходнаго пребыванія; если же кто изъ нихъ въ другой разъ будетъ замѣченъ въ томъ же, тѣхъ выселять изъ мѣста жительства инородцевъ. Тому же наказанію должны подвергаться и живущіе въ дацанахъ ламы, въ случаѣ совершенія ими какихъ либо службъ внѣ дацана, также и заводящіе школы для бурятъ при дацанахъ, или молитвенныхъ домахъ, или просто въ улусахъ, безъ позволенія русскаго правительства. Ибо эти школы суть питомники ламства; не будь ихъ, число ламъ, можетъ быть, само собой сократилось бы и вошло въ свои естественныя границы.

Пожалуй, иные сочтутъ эти мѣры относительно ламъ слишкомъ строгими. Что же? ужели лучше дозволить имъ губить бурятъ. Пусть они развращаютъ народъ, пусть они раззоряютъ его, пусть они удаляютъ бурятъ отъ сближенія съ русскими, правительство не должно предпринимать противъ этого никакихъ строгихъ мѣръ! Но вѣдь мы этимъ готовимъ Забайкалью участь раззоренной ламами Монголіи. Нѣтъ, пора взглянуть на ламъ трезвыми, не отуманенными глазами, не сквозь призму своекорыстія и религіознаго индиферентизма, а очами вѣры, любви къ отечеству и состраданія къ бѣднымъ бурятамъ, нравственно и матеріально поработаннымъ ламствомъ. Довольно и того, что мнимымъ гуманизмомъ мы дали возможность вырасти и укрѣпиться злу; нужно серьезно взяться за его искорененіе. Ламство—это гангрена въ здоровомъ организмѣ бурятъ. Слѣд., чѣмъ скорѣе ее ампутируете, тѣмъ лучше. Этимъ мы спасемъ бурятъ отъ матеріальнаго и нравственнаго истощенія.

Издание указанных нами узаконений нельзя назвать вмѣшательствомъ въ религіозныя дѣла бурятъ. Правительство только оградить ими свои чисто государственные интересы, что оно всегда въ правѣ сдѣлать. Ни вѣрованій бурятъ, ни ихъ обрядовъ эти узаконенія не касаются. Даже болѣе, правительство явится въ нихъ косвенно блюстителемъ чистоты буддійскаго вѣроученія; оно можетъ смѣло сказать, издавая подобныя узаконенія, что желаетъ, только очистить ламское сословіе отъ людей порочныхъ, открыто нарушающихъ свои обѣты. Что могутъ возразить противъ этого ламы?

Если спросятъ: чѣмъ же будутъ жить ламы, если обязать ихъ жить безвыходно въ дацанахъ? Отвѣтимъ: тѣми же самыми землями, которыя примѣжеваны къ дацанамъ для ихъ пропитанія. Земель этихъ такъ много, что если обрабатывать ихъ надлежащимъ образомъ, онѣ дадутъ пропитаніе всѣмъ нынѣшнимъ ламамъ, штатнымъ и нештатнымъ, а мы надѣемся, что съ изданіемъ подобныхъ изложенныхъ нами правилъ, число ламъ съ каждымъ годомъ будетъ само собою сокращаться, а съ тѣмъ и средства остальныхъ увеличиваться.

Что ламамъ подобныя узаконенія русскаго правительства будутъ не по нутру, что они всячески будутъ стараться отклонить ихъ, можетъ быть, будутъ возбуждать противъ нихъ простыхъ бурятъ, это несомнѣнно. Но должно ли русское правительство бояться ламскихъ интригъ? Ламство почерпаетъ свою силу главнымъ образомъ въ суевѣріи бурятъ и покровительствѣ ему закона и русскаго чиновничества. Это не Богъ знаетъ какая сила. Буряты уважаютъ ламъ главнымъ образомъ потому, что они вѣрятъ въ ихъ силу прогонять всякаго рода напасти, причиняемыя читхурами (злыми духами); въ ихъ глазахъ—это тѣ же шаманы, которымъ они вѣрили прежде, только болѣе сильные и искусные. Но при всемъ своемъ суевѣрномъ поклоненіи ламству, буряты еще съ

большимъ благоговѣніемъ относятся къ власти русскаго царя: „если царь велитъ намъ креститься, мы крестимся“, вотъ пока обычный отвѣтъ бурятъ на увѣщаніе миссіонеровъ креститься. Слѣд., всего менѣе можно ожидать отъ нихъ серьезныхъ протестовъ, когда имъ объясняютъ при изданіи новыхъ узаконеній, что правительство желаетъ только уменьшить среди нихъ число людей праздныхъ, лѣнивыхъ, развратныхъ, ламъ только по имени, а на самомъ дѣлѣ людей—хуже послѣдняго бурята. Пора правительству откровенно объяснить бурятамъ, какъ оно смотритъ на ламъ. Поэтому намъ представляется крайне страннымъ опасеніе, что буряты, въ случаѣ принятія болѣе строгихъ мѣръ противъ ламства, могутъ откочевать въ Монголію. Это могутъ говорить только люди, не знакомые съ настроеніемъ бурятъ. Буряты хорошо знаютъ, во сколько разъ имъ живется лучше подъ скипетромъ русскимъ, чѣмъ монголамъ подъ властію Китая. Сами монголы не рѣдко являются въ русскіе предѣлы и просятъ, какъ милости, крестить ихъ, думая этимъ освободиться отъ подданства Китая. Буряты, даже осужденные въ ссылку въ Якутскую область, не бѣгутъ въ Монголію, а спокойно идутъ въ Якутскъ.

Протоіерей, Аѳанасій Виноградовъ.

1885 г. 6 ч. ноября.